

Владимир Альянов

Просто друг

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Альянов

Просто друг

<https://litres.ru/74108058>

SelfPub; 2026

Аннотация

В те годы, когда я ещё не знал, что бутылка — это лучший друг, а женщина — самый жестокий враг, она появилась. Первая. Та, что сожрала меня заживо и не выплюнула до сих пор.

«Кровь на простынях» — это история одного мужика, который всю жизнь пытается отмыться от одной ночи. От запаха её волос, от вкуса её слюны, от того, как она смотрела, будто уже знала, что я сдохну по ней медленно и по частям.

Сначала была она — девчонка с глазами, в которые можно было упасть и не выбраться. Потом — другие. Блондинки, брюнетки, шлюхи, святые, замужние, одинокие. Я трахал их, пил с ними, врал им и себе, что «всё в прошлом». Но каждый раз, когда входил в новую, внутри что-то рвалось, как старая ткань. Я принимал решения: остаться, уйти, напиться до чёртиков, жениться, бросить всё к чёртовой матери.

Если ты когда-нибудь просыпался в холодном поту от имени, которое не произносил уже десять лет — эта книга для тебя.

Или против тебя. Как повезёт.

Содержание

Глава	4
Глава	19
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Владимир Альянов

Просто друг

Глава

Владимир Алянов

*Просто
друг*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эта история — старая, как миллионы разбитых сердец, что гниют в барах и подворотнях. Персонажи — просто тени, слепленные из воспоминаний, но они всё ещё могут заставить твою душу корчиться, будто от удара током, когда ты вспомнишь ту первую любовь. О любви пишут книги, слагают стихи, орут песни в прокуренных забегаловках. Ей жертвуют жизнь, но, чёрт возьми, как редко встретишь того, от одной мысли о ком кожа покрывается мурашками, а сердце — трещинами. Большинство из нас просто пьёт, чтобы забыть, как это было, и продолжает шататься по этой гребаной жизни, надеясь, что однажды снова почувствует этот ток.

Сказка ложь — да в ней намёк ...

— Вы же созваниваетесь каждый день по часу, — я тря-

су детализацией звонков перед её лицом, пытаюсь поверить в её слова. Хочу, чтобы она показала неопровержимое доказательство, что это правда разговоры о работе. Может, проект какой-то? Или повышение? Но нет, всё та же заезженная пластинка про «друга и коллегу».

Она заплакала, резко развернулась и бросилась в ванную. Как обычно, включила воду. Я пошел следом. Через длинный коридор смотрел на закрытую дверь. Свет сочился ровным прямоугольником вокруг створки двери, и мне вдруг показалось, что я вижу сквозь неё. Таня сидит на краю ванны, подпирая голову руками, намокшие от слёз волосы прилипли к вискам. Вода льётся в раковину, смешиваясь с её слезами, и уходит в слив. В руке — ярко зелёный телефон, мой подарок на её день рождения. А сейчас в нём, похоже, строится новая ячейка общества. Скорее всего, опять созвонились. Ярость вспыхнула в груди, хотелось ворваться, выхватить трубку и испепелить того гада на другом конце линии.

8:55. Поезд метро должен был двадцать три минуты везти меня по тёмным, сырým тоннелям, но сегодня — особый день. 15 июня врезалось в мою память сильнее, чем собственный день рождения. Мир поделился на «до» и «после». Странно, ведь это просто дата в календаре, как любая другая. Но сегодня я не хочу заниматься будничными делами. Могу я, в конце концов, уделить время себе?

Выйдя из метро на станции Добрынинская, я направился в ближайший магазин за сигаретами и водой. На торце дома, в двух шагах от выхода, был магазинчик с простым названием «Продукты 24». Он будто перенёс меня в юность: атмосфера, продавица в синем халате. Не консультант, не менеджер — обычная продавица. Ярко-красные губы скрывали жёлтые, местами гнилые зубы с пятнами помады. Её зовут Галя. Точно, на бейджике было написано зеленым маркером — Галина. Я подошёл к кассе, заваленной жвачками, шоколадками и конфетами в двух огромных витринах. Галина сидела там, разгадывая sudoku. Я облокотился на стойку и покашлял, чтобы привлечь её внимание.

— Здравствуйте, — Галина подняла голову, убирая очки на рыжие кудрявые волосы с сединой, и посмотрела на меня.

— Добрый день, Галина! Сказали, тут работают красивые девушки и продают вкусную воду. Девушку вижу, а вот воду — нет. Не подскажете, где она?

— Ох, господи, спасибо, приятно! — Галина оживилась и указала на воду неподалёку.

— Ноль пять холодной, с лимоном, пожалуйста. И пачку красного «Мальборо».

— Паспорт покажете, молодой человек?

— Вот, пожалуйста. Вы, кстати, младше меня, — я ехидно улыбнулся.

— Ой, перестаньте! — Галина покраснела, не переставая улыбаться, выдала сдачу, и мы, пожелав друг другу хорошего дня, завершили сделку.

День обещал быть хорошим. Телефон — только для музыки. Соцсети, люди, родственники — всё на беззвучке. Только полёт мыслей и ностальгический экстаз. Никаких веществ, только природная способность уходить в воспоминания так глубоко, что мир меняет облик. Запах, вкус, звук — мощные триггеры памяти. Особенно запах. Он сильнее всего будит воспоминания, потому что миндалевидное тело в мозгу, отвечающее за них, расположено близко к дыхательным путям. Природа так задумала, чтобы мы не травились всяким дерьмом.

Летний полдень заставлял меня улыбаться. Солнце пробивалось сквозь красные круглые очки, обнимая теплом. Ветерок с Москвы-реки едва касался кожи, но приятно остужал. Почти пританцовывая, я шёл по Кремлёвскому мосту к Добрынинской. Хотелось прогуляться по старому городу, и я решил двинуть на улицу Щипок. Маленькая, красивая улочка, увешанная историями, в основном выдуманными. Даже нет точной версии, откуда взялось это название. Щипок.

Меня будто ущипнуло новое воспоминание. Я увидел бар, где однажды для нашего отдела продаж устраивали дегустацию пива. Я теперь не любитель выпивки, но те напитки я бы попробовал снова. Тогда крафтовое пиво только входило в моду, считалось признаком вкуса, а не к склонности к мужеложству. Загляну на минутку. Так начинаются лучшие истории. Время обеда, перекушу, выпью бокал крафта и пойду дальше.

Бар не изменился: те же деревянные стулья, бармен-пузан в бандане и джинсовой жилетке с нашивками, в футболке «Ариш». Она явно пережила не один фестиваль, где панки и рокеры слэмятся в грязи, упиваясь до синих соплей. Я уселся на потёртый диванчик у стены, взял меню и пробежался по нему глазами. Вдруг появился официант:

— Уже выбрали?

— Не шарю в крафте, но принесите что-то популярное для гурманов. И бургер. Официант кивнул и ушёл.

Когда он принёс пиво, я жадно сделал несколько глотков. Газы ударили в нос, глаза заслезились.

— Ну как? — спросил официант с неподдельным интересом.

— Недурно, — выдохнул я, отпуская газы. — Послевкусие

раскрывается, даже через нос.

Он заржал, мы дали друг другу «краба». Я попросил ускорить бургер — голод плюс крафт могли сделать день эпичным.

— Понял, бро, ускорим. Может, пока картошки принести? Вдруг мясо ещё жарится.

— Да-да, буду благодарен!

— Минуту!

Официант вернулся через сорок секунд с тарелкой фри, посыпая её солью из солонки, которую схватил с барной стойки. Держал тарелку двумя пальцами, как в лучших ресторанах.

— Ещё горячая, только из фритюра. Бургер через четыре минуты.

— Лучший! — я поднял бокал, одобрительно кивнул и сделал ещё пару глотков.

Пиво начало действовать. Лицо будто обрызгали заморозкой — онемело, но горело. Захотелось курить. Я взял одну сигарету, бросил пачку на стол, чтобы официант не волновался, и вышел. Дым усиливал опьянение. Я смотрел на

перекрёсток, на толпу, бегущую на обед. Бар скоро заполнится, надо доедать и двигать дальше.

На столе уже всё было готово. Я быстро справился с бургером и пивом, оставил щедрые чаевые и вышел. Под лёгким шафе двинул к улице Щипок. Район знакомый, пара сотен метров через старый город домов построек начала XIX и XX веков которые растворяли меня в воспоминаниях.

Улица Щипок

Я шёл по старым улицам, в наушниках — песни из плейлиста десятилетней давности. Про грусть, расставания, любовь. Всё те же. Хорошо, что я не знаю перевода иностранных треков — их тоска и надрыв переносили меня на пять лет назад, когда я стоял здесь же, следя за Таней. Същик-следопыт, мать его. Музыка задавала настроение, голоса в песнях звучали так, будто пели про мою боль. Может, там поётся про другое, но мне плевать. Важна волна, что уносит в прошлое.

Ранняя весна. Три месяца я пил без просыху, заливая боль от кризиса в отношениях. Первые признаки были банальны

до тошноты. Цветы, мягкие игрушки, подаренные невпопад. Таня говорила — на день рождения, но он был две недели назад. Приезды домой раньше времени. Мол, автобусы поменяли расписание. Но я знал: она приезжала с кем-то на машине. Мы жили в новом районе, я изучил тайминги каждого автобуса. Её слова не складывались в правду, но я хотел верить. Любил её. С такой силой, что совершал подвиги — если это можно так назвать. Переступал через себя, через принципы. Расскажу всё, в деталях, но позже. Сейчас — про улицу Щипок.

У голубого здания начала XX века я ждал, когда Таня выйдет с работы. Бутылка бурбона, выпитая до того, гудела в венах. Я хотел конфликта. Дуэли, как у Грибоедова с Шереметьевым или Пушкина с Дантесом, где всё из-за ревности. Пусть я не выиграю, но готов был пасть с честью. Таня вышла и пошла к метро. Ни встречи, ни дуэли. Я следовал за ней, не выдавая себя. Тёмно-синее пальто, чуть потёртое на локтях, обрисовывало её хрупкую фигуру. Рыжеватые волосы выбивались из-под шарфа, укрывавшего голову, и ловили свет фонарей. Её духи — сладкий, почти приторный шлейф — кружили голову, как при нашей первой встрече. Она шла уверенно, но её пальцы нервно теребили ремешок сумки, выдавая тревогу. Может, я накрутил, и она верна? Мы держались в десяти метрах друг от друга.

У входа в метро я замедлил шаг, закурил. Она не должна меня видеть, пока не доберёмся до дома. Сыщик-следопыт, я

или как? Вдруг они встретятся. На Добрынинской мы зашли с разницей в пару минут, спускались по эскалатору и мне было хорошо видно её в линии из людей. Я прятался за столбами, чтобы не потерять её из виду и не быть обнаруженным. Радовался, что она не встретилась с этим гадом, но чувствовал его присутствие, когда она доставала телефон и спешно что-то писала. Её тонкие пальцы, с аккуратным французским маникюром, мелькали по экрану, а губы чуть сжимались — будто она боялась, что кто-то заметит. Надеялся, что это мне, проверял свой телефон — пусто. Одиночество накрыло, как мокрый снег.

В вагоне метро мы были на расстоянии. Она не замечала меня, уткнувшись в телефон, её лицо освещал экран, подчёркивая голубые глаза — глубокие, как океан, но холодные, отстранённые.

— Как ты? — написал я, глядя на неё.

— Всё хорошо, еду домой, только зашла в метро, — ответила через секунды, но телефон убрала через пару минут. Писала и мне, и ему.

Гнев вспыхнул. Хотелось сорвать слезку, вырвать телефон, позвонить на тот неподписанный номер и назначить дуэль.

— Я рядом. Очень рядом, — написал я, следя за её реак-

цией.

Она прочитала, её брови дрогнули, но ответа не последовало. Телефон исчез в сумке почти сразу. Мы ехали, я смотрел на неё. Голубые глаза сводили с ума, как и прежде. Она была моей музой, двигателем, толкавшим к действиям. Сотни строк в её честь, миллионы слов в черновиках, тысячи дней с мыслью, что наша жизнь расписана на века. И всё это — под угрозой из-за какого-то мудака. Злость кипела, толкала на безумие. Хотелось упасть на колени, просить прощения за всё, что сделал не так, за обиды, за ошибки. Первая любовь живёт вечно, но разрывает сердце. Может поэтому воспоминания о ней такие долгие и мощные.

Наша станция. Я осторожничал — вдруг она предупредит своего хахалю, и дуэли не будет. Выйдя из метро, Таня пошла к автобусу. Я за ней. Она заметила меня, и села у окна. Я — рядом.

— Говорил же, что рядом, — сказал я.

— Ты маньяк. Следишь за мной? Я же говорила, ты накручиваешь. И опять пьяный! Сколько можно пить?! — Таня отвернулась к окну. Её голос дрожал от раздражения, но глаза, мельком взглянувшие на меня, выдавали тень вины и усталости. Её пальцы сжали ремешок сумки так, что костяшки побелели.

— Мне тяжело. Ты мне изменяешь. Пока не могу дока-

зять, поэтому приехал встретить.

— Зачем? Что хотел увидеть?

— Как ты садишься в машину к этому уроду.

— Он не урод! — выпалила она, защищая его. Её щёки вспыхнули, но тут же побледнели, будто она сама испугалась своих слов.

Ярость хлестнула. Проглотил её, уставился вперёд. Всю дорогу вёл диалог внутри себя — тот, что должен был быть с ней. Как дошло до того, что я три месяца тону в бурбоне? Облизывал сухие, потрескавшиеся губы, чувствуя запах алкоголя от себя. Медленно моргал, борясь с усталостью и качкой автобуса. Почему она не стеснялась приносить домой цветы и игрушки? Не хотела обидеть его, но вонзила нож в меня. Если выбрала его, уходи. Зачем возвращаться в нашу постель? Он старше, умнее, богаче, красивее. Но знает, что Таня не одна. Забери её, гад, оставьте меня, мне хочется жить, а не существовать. Веревка на шее с каждым днем стягивалась всё сильнее, а я ничего не делал, пусть...

Мы вышли на конечной и шли рядом. Просто молчали и шли. Я попытался взять её руку, она не стала одёргивать её, но и не держалась. Просто терпела мои порывы. Почувствовав это просто отпустил и сбавил шаг идя чуть позади нее.

Дома она сняла пальто, её движения были резкими, буд-

то она сбрасывала с себя не только одежду, но и мой взгляд. Сразу ушла в ванную, включила воду. Я зашёл на кухню, взял бокал, вылил в него остатки бурбона, выпил глоток и просто стоял, уставившись в стену. Не знал, что делать. Спать? Пить дальше? Говорить? Сесть за комп или уйти? Идея пойти за новой бутылкой показалась лучшей. Допил бокал, стал одеваться. Таня окликнула из ванной:

— Ты куда?

— Гулять. По бабам, — бросил я, желая задеть, и хлопнул дверью. Не стал запирать. Сама закроет.

Холодный мартовский воздух напомнил, что по венам течёт бурбон, а не кровь. Шёл по ледяной корке тротуара, смотрел, как фонари отражаются в ней, как свет в окнах рисует чужие жизни. Где-то — романтический вечер: лепестки роз на полу, шампанское в бокалах, свечи. Любовь, страсть, новая жизнь. Или просто секс. У нас были такие вечера, но последние три месяца, с этими сраными цветами и игрушками, мир стал серым. В магазине я — завсегдатай. Беру яблочный сок, бурбон, пачку сигарет. Кассир смотрит, будто хочет спросить, что стряслось. С каждой бутылкой огонь в моих глазах тускнеет. Но я не стал бы делиться. Замыкаешься — и слова не лезут. Проще буркнуть: «Всё ок».

Дома дверь была не заперта. Таня в розовом плюшевом халате пилила ногти, смотрела сериал, развалившись на кро-

вати. Её влажные волосы липли к плечам, голубые глаза, устремлённые в экран, казались пустыми, но в них мелькала тень — то ли вины, то ли тоски. Она не обернулась, не сказала ни слова, только её пальцы, сжимавшие пилочку, слегка дрогнули. Я сел на пол в кухне, открыл новую бутылку и продолжил напиваться. Бурбон обжигал горло, но не заглушал боль. Мысли путались, тело тяжелело. Я провалился в сон прямо на полу, сжимая пустой бокал.

Позже, сквозь пьяный туман, я почувствовал, как что-то мягкое коснулось моей головы. Таня, тихо ступая, подложила подушку под мою щеку. Её пальцы, холодные, но осторожные, погладили мои волосы. Она укрыла меня звёздным пледом — тем самым, что лежал на нашем диване, пахнущим её духами и нашими прошлыми ночами. Я не шевелился, но слышал её дыхание — тяжёлое, с лёгким всхлипом. Она постояла рядом, будто хотела что-то сказать, но молча ушла. Дверь кухни тихо щёлкнула. Я остался на полу, укутанный пледом, с её запахом и своей болью.

Глава

Первая

•

1.

Я рос обычным пацаном, балансируя между дерзостью и мечтами. Не герой боевиков, но и не тень в углу. Дружил с теми, чьи души звучали в унисон с моей, а с остальными здоровался, не вглядываясь в лица. Конфликты гасил словами, но если задира лез с кулаками, я сбрасывал маску цивилизации, бил себя в грудь, как юный воин, и кидался в бой, чтобы одним ударом отправить противника в пыль. Девчонки вились вокруг, как бабочки у фонаря, — харизма и острый язык творили чудеса. Худощавый, с прямой осанкой, я смотрел на мир чёрными глазами из-под густых бровей, чёлка спадала набок, добавляя мальчишеского обаяния.

Последний год школы был, как прощальная песня перед поварским училищем. Два года учёбы, чтобы стать поваром — ремесло, что не сулило богатства, но и голодать не заставит. Май распахнул окна, и молодёжь, как стая воробьёв, высыпала во дворы, звеня смехом и свободой.

За месяц до выпускного я решил узнать поближе Юлю, одноклассницу из параллели. Её анимешное лицо с коротким каре, раскосые глаза и улыбка, широкая, как солнечный луч, будоражили. Её энергия манила, как искра в ночи. Мы сбегали в зоопарк, где её смех звенел, как колокольчик, а на концерте ко Дню Победы наши губы слились в поцелуе — таком жарком, что в 16 лет он прожёт каждую клетку тела. Не любовь из старых фильмов, но занавес страсти чуть приоткрылся. Потом всё угасло — встречи в школе, пара слов в аське, и пшик. Две недели ярких искр, и занавес. Всем спасибо, все свободны.

Я не рвал на себе волосы. Девчонки были, но ни одна не цепляла. Юля была не той. В их глазах скользила фальшь, отталкивающая, как запах дешёвого лака. Я знал, кто они, с кем тусуются, но не копал глубже. Мне было уютнее внутри себя, чем в гудящей толпе. Но иногда я врывался в тусовку, становился её сердцем, и мы неслись по волнам молодости — музыка на всю, безумие, жизнь! Дома ждал разнос за нравы, но мне было плевать — мы жили здесь и сейчас, в вихре свободы.

Последний день школы. У ворот, пропахших мелом и юностью, я обнял Юлю за плечи:

— Соскучишься — пиши, — подмигнул, бросая взгляд, полный мальчишеской дерзости, и рванул к друзьям.

— А если не соскучусь? — её голос, лёгкий, как летний ветер, догнал меня с улыбкой.

— Тогда не пиши! Обнял, до встречи! — я обернулся, послав воздушный поцелуй, как герой дешёвого романа.

Мы не стали парой, но две недели искр сделали нас друзьями. Нашли общее, но для любви этого было мало. Без слёз, без драм — поцеловались, поняли, что не то, и разбежались с улыбками. В 16 лет это редкость. Обычно подростки тонут в страданиях, смакуя обиды. Мы были взрослее. Наши разговоры — не о сплетнях, а о чём-то большем, будто мы примеряли взрослую жизнь, не понимая её до конца. Истина рождалась в диалогах, где слова текли, как река, неспешно и глубоко.

Мама объявила, что еду к бабушке на лето. Круто — там друзья, будет весело. Выезд 12 июня. Хватило времени попрощаться с пацанами и закинуть шмотки в рюкзак. С Юлей не пересеклись — она уехала куда-то, но обещала встретиться в Королёве, где проходила наша юность.

Поезд, пёстрый, как лоскутное одеяло, с синими и зелёными вагонами, нёс нас с мамой в город, где жила бабушка и мои друзья детства. Когда-то мы пытались там осесть, но судьба утянула в Подмоскovie. Первый день — болтовня с бабушкой, она наметила фронт работ по хозяйству. Мама дала строгие наказания:

— Долго не гулять, в восемь дома, понял? — они с бабушкой впились в меня взглядами, пока я пил чай, мечтая рвануть к пацанам.

— Ладно, — буркнул я, проглотив горький вкус обещания. Как держать слово, когда вечером город засыпает, а звёзды шепчут: «Погуляй ещё»? Я не бандит, но в крови бурлила хулиганская искра. На юге ночь падает быстро — в девять тьма, и небо, усыпанное звёздами, манит к приключениям.

Через два дня мама уехала. Проводив её на вокзал, я вернулся во двор. Пацаны гоняли мяч между турником и деревьями — самодельные ворота, сто метров пыльного поля. Игра кипела, как летний полдень. Я нырял за мячом, раздирая локти и колени до крови, смешанной с песком. Стоя на воротах, заметил двух девчонок, вошедших во двор. Новые лица, как свежий ветер. Залип, пропустил мяч. Сокомандник рявкнул:

— Ты чё, уснул?!

— Кто эти девчонки? — кивнул на угол дома, где они болтали с нашей дворовой подружкой, чей смех звенел, как битое стекло.

— Таня, отличница. Без шансов, брат, она недотрога, — хмыкнул он.

— Похер, — я вылез из ворот и пошёл к ней.

За десять метров вспомнил, что выгляжу, как после драки в грязи — потный, в пыли. Вытер лоб рукавом, подошёл, выпалил с мальчишеской дерзостью:

— Привет, Таня. Я Влад. Давай дружить?

Подруги захихикали, как стайка воробьёв. Таня протянула тонкую руку. Её салатовое платье струилось по хрупкой фигуре, белые чулки до середины голени подчёркивали стройные ноги, чёрные балетки блестели, ловя солнечные блики. Голубые глаза, сияющие, как море в полдень, и улыбка с ямочкой на щеке ударили, как молния. Сердце заколотилось, дрожь пробежала по телу, и я взлетел на седьмое небо, где живёт чистое счастье. Впервые такое.

— Давай. Я Таня, — её голос, мягкий, как летний бриз, обволакивал, но в глазах мелькнула искра — интерес или насмешка?

— Погуляем вечером? Когда я не буду, как свинья из лужи, — я улыбнулся, пряча, как её взгляд меня плавит.

— Приду во двор, — она чуть склонила голову, волнистые

волосы качнулись, как занавес перед сценой. — Но сейчас бежать надо.

— Жду! — выпалил я, провожая её взглядом, пока она растворялась в солнечном мареве.

— Не придёт, — хмыкнула подруга с моего двора, которая подошла ко мне пока я провожал Таню и её свиту взглядом. Её голос сочился ехидством.

— Будет грустно. Кажется, влюбился. Она... как звезда, которую не поймать, — пробормотал я, чувствуя, как сердце всё ещё колотится.

— Ну, посмотрим, романтик, — она закатила глаза.

— Где она живёт? Как найти?

— Соседний квартал. Может, покажу.

Дома, за обедом, Таня не выходила из головы. Её образ — голубые глаза, ямочка, лёгкое платье — горел в мозгу, как маяк в ночи. Бабушка велела покрасить балкон её хрущёвки, где краска облупилась, как старая кожа. Я взялся за дело, счищая выцветшую зелень. Вечер подкрадывался, как кот. Рванул во двор. Пацаны играли в карты, но Тани не было. Сел ждать, и вдруг — её силуэт, лёгкий, как облако, в том же платье, что обнимало её, как вторая кожа. Бросил карты,

ринулся к ней:

— Таня, как рад тебя видеть! Будешь в карты?

— Я тоже рада, — она улыбнулась, опустив ресницы, её голос, мягкий, как шёлк, дрожал от стеснения. — Буду.

Сел напротив, чтобы пить её глазами. Её пальцы с французским маникюром неуклюже теребили карты, волосы струились, обрамляя лицо, где улыбка сияла, как утреннее солнце. Я играл паршиво, но её смех, звонкий, как серебряные монеты, брошенные на мостовую, был наградой. Не подкидывал ей карты, не закидывал, когда мог, — её радость зажигала меня. Когда тьма накрыла двор, вспомнил про восемь часов. Таня — отличница, ей домой рано. Хорошие девочки не гуляют под звёздами, шепчущими «останься».

— Пойдём, прогуляемся? Доведу до дома.

Она кивнула, её глаза блеснули. Двор гудел, а я строил свою жизнь — с ней. Я мечтал о настоящей любви, не о фальшивке, где мужики бегают за молоденькими, а жёны жалеют о несбывшемся. Нет. Я хотел любви, такой чистой, что ради неё ломаешь себя. Таня была той самой. Её желания — мои законы, даже если придётся себя разорвать.

Пока шли к её дому, я сыпал шутками, рассказывал байки, иногда с крепким словцом.

— Можно без мата? — Таня прервала, её брови нахмурились, но голос, мягкий, как бархат, хранил тепло.

Я замер, стыд обжёг. Перешёл на чистые слова, и пошло легко. С той минуты следил за языком, а если срывался, опускал голову, как провинившийся школьник, молча прося прощения. Когда подошли к дому, её улыбка, с ямочкой, вспыхнула, как звезда, и погасла. Договорились встретиться завтра.

На следующий день проснулся рано. Бабушка уехала по делам, а мне предстояло красить балкон. Вооружился кистями, начал снаружи, чтобы не изгваздаться. Старые рамы я покрывал сочным цветом, вдыхая в них жизнь. Страх высоты щекотал нервы. Вдруг увидел Таню — она шла мимо, в лёгком платье, волосы танцевали на ветру, голубые глаза ловили солнце. Её пальцы крутили телефон — привычка, выдающая беспокойство. Я замер, забыв, что вишу на балконе. Полка, за которую я держался - выехала, я рухнул внутрь, раскидав банки и кисти. Поднялся, глянул в окно — Таня удалялась, её силуэт таял в утреннем свете. Сгрёб бардак, бросил краску и рванул во двор, где её звезда уже зажгла мою.

Месяц с Таней пролетел, как сон. Каждый её взгляд, каждый смешок врезался в сердце, как узор на стекле. Пацаны ворчали, что я забил на их мяч, но Таня перекрывала всё — двор, пыльные ворота, их шуточки. Она выигрывала с разгромным счётом. Я ещё не касался её руки, но уже был го-

тов отдать ей жизнь, как юный поэт, начитавшийся стихов. Её родители жили в Подмосковье, как я. Это грело — наш роман не оборвётся с летом. Два года её школы, моей учёбы? Пусть. Я был готов, как рыцарь, только без доспехов.

Первые десять дней разлуки свалились, как гром. Таня уехала на море с родителями, нагрянувшими, как летний ливень. Мы гуляли, она смеялась, её ямочка вспыхивала, как звезда. Вдруг наш путь перерезала машина. Я встал перед Таней, сжав кулаки, готовый драться. Из машины вышел худощавый мужик, за ним — женщина с красными губами, милостивая, про таких говорят "Милфа". Не хулиганы. Таня ахнула, кинулась к ним. Её родители. Они уехали несколько лет назад на заработки в Москву и осели там, периодически возвращаясь в родной городок на отдых. Таня скучала по ним, мечтала после школы рвануть в Москву учиться. Это грело — Москва была нашей. Но я бы пошёл за ней и в этот городишко. Не важно где, важно — с ней.

Познакомился с ними. Отец, Иван, смотрел, как шахматист, мать, Ирина, была мягче, но с тенью грусти за красной помадой. Я понял: Тане нужно их время, а я — лишний. Ушёл во двор, чувствуя, как её отсутствие режет сердце.

— Любовь кончилась? — хмыкнул друг, его голос сочился иронией. — Говорили, без шансов.

— С чего вы взяли, что всё кончилось? — я отмахнулся.

— К ней родители приехали. Зачем мешать?

— Ты даёшь, — он присвистнул, в глазах мелькнуло восхищение. — К ней каждый подкатывал, а она имени не называла. А тут месяц с тобой!

— Дело в Москве, — встряла Танина подруга, её голос резал, как нож. — Все хотят в Москву.

— Похер на Москву, — я отрезал. — Мы нашли что-то настоящее. Будто я всегда её знал.

Я ушёл домой, слова друзей звенели, как пустые банки. Надо было пообедать и докрасить балкон, наполовину ободранный, как моё сердце без Тани. За столом — её глаза, сияющие, как море, её смех, её грация и сладкий шлейф духов. Она была моим маяком, и я готов был плыть к ней через любые бури.

Дни с Таней были, как тёплый ветер — ласкали, но ускользали. Мы виделись по полдня, пока её родители не забирали вторую половину. За день до её отъезда мы сбежали на весь день, гуляя по пыльным улицам, играя в «вопрос-ответ» — наш ритуал, где души раскрывались, как цветы. Я делился мечтами, страхами, глупыми историями, а она слушала, её глаза, как морская гладь, ловили каждое слово. Я красовался, как мальчишка, а она чуть улыбалась, будто знала, что я уже её. Я хотел нравиться ей больше, чем уже нравился, —

до дрожи в сердце.

— Теперь мой вопрос, но скорее просьба, — сказала Таня, её голос, мягкий, как шёлк, дрожал. Она посмотрела на меня

— Давай, я готов, — выпалил я, хотя внутри всё трепетало, как лист на ветру.

— Возьми меня за руку, — тихо, почти шёпотом, сказала она, опустив ресницы.

Месяц мы ходили рядом, но я боялся её коснуться. Она была хрустальной вазой — единственной, бесценной. Одно неверное движение, и всё разлетится. Я гасил порывы, боясь разрушить её мир. Но когда её пальцы скользнули в мою ладонь, разряд тока ударил по венам, до затылка, взорвался мурашками. Я сжал её руку — не сильно, чтобы не спугнуть, но твёрдо, чтобы она знала: я ждал этого вечно. Первая любовь — как первый луч солнца: согревает, слепит, и ты не знаешь, как жить без него. Я видел, как парни вели себя с девчонками — как приматы, хватая за волосы, играя в силу. Таня была не из тех. Мы были магнитами, притянутыми природой, без фальши.

Держась за руки, мы бродили дальше. Я решил: этот день заслуживает большего. Крыша. Там, под звёздами, всё может пойти дальше — может, поцелуй. В 16 лет дальше не заглядываешь, но два года разлуки впереди проверят нас, как

огонь — золото. Я знал пару домов, где можно забраться на крышу. Прошлым летом мы с пацанами лазили туда, орали песни. Надеялся, путь открыт. Хотел удивить Таню, показать, что я свой в этом городишке. Повернул не по обычному маршруту.

— Куда идём? На озеро? — её голос звенел любопытством, глаза искрились, как звёзды.

— Сюрприз. Тебе понравится, — я улыбнулся, предвкушая её восторг.

Подошли к девятиэтажке. Я метался между подъездами, ища выход на крышу. Таня шла за мной, её шаги звучали, как мелодия. Я дёргал двери, ища сломанную ручку. Через два подъезда она сказала:

— Четвёртый.

— Что? — я замер, ошарашенный.

— Четвёртый подъезд. Оттуда выход, — уверенно, с лёгкой насмешкой проговорила она, губы изогнулись в улыбке.

Я расхохотался, чувствуя себя дураком. Она знала про крышу! Я видел в ней хрустальную вазу, а она — девчонка с хулиганской искрой, умеющая держать себя в рамках. Забраться на крышу — не преступление, а приключение. Мы

взлетели по лестнице, смеясь, как заговорщики, и вывалились на крышу, где ветер пах свободой. Закат был близко, и мы замерли, ожидая, когда небо загорится.

Вид открывался на окраину города, поле, островок деревьев, где когда-то пахари прятались от жары во время работы. Улицы утопали в оранжевом сиянии, будто кто-то разлил мёд по асфальту. Мы нашли местечко — старый вентиляционный короб — и встали рядом, почти касаясь плечами. Таня вдруг вскрикнула:

— Пойдём к краю! — и рванула вперёд, волосы развевались, как флаг.

Я запаниковал:

— Стой, куда?! — почти заорал, бросившись за ней и схватив за руку.

Она не вырвалась, потянула меня за собой. У края крыши город лежал, как на ладони, поле тонуло в золотом мареве. Я стоял за Таней, её волосы, пахнувшие цветами и солнцем, коснулись моего лица. Этот аромат — сладкий, с ноткой свободы — въелся в меня навсегда. Закат, крыша, мы — молодые, влюблённые по уши, с целой жизнью впереди. Сердце стучало, как барабан перед боем.

Солнце нырнуло за поле, звёзды зашептали: «Не спешите домой». Таня сказала:

— Давай потанцуем.

Она включила музыку на телефоне — медленный рок, хриплый, как голос поэта. Взяла меня за руку, и мы закурились. Я двигался, как медведь, а она — как кошка, гибкая, уверенная, будто каждый шаг был заучен. Её глаза лучились, зная, что я таю. Мы забыли о времени, о родителях, о разлуке впереди. Только музыка, её тепло, момент, который хотелось запечатлеть навсегда. Устав, мы вернулись к коробу, держась за руки. Небо горело звёздами, а я чувствовал: это начало нашей истории. Большой и интересной истории, которую расскажем детям. А я напишу книгу о чистой и настоящей любви, где всё тянется медленно и красиво как в танце. В самом романтичном и чувственном танце.

Пора было возвращаться. Таня открылась — дерзкой, живой, как искра, — но я заботился, чтобы её родители и бабушка не волновались. С пацанами проще: в 16 лет ты не ребёнок, и родители знают, что удержать тебя — как поймать ветер. Мы двинулись к её дому, вечер ласкал, как тёплая волна. Хотелось кричать от счастья, чтобы звёзды услышали.

Южный вечер, тёмный, как бархат, накрыл город. Фонари бросали тусклые лужи света, где отражались наши шаги. Таня остановилась у магазина, чья витрина сияла желтым цветом, как дешёвая бижутерия с намёком на золото.

— Завтра уезжаю, — её голос, мягкий, как лунный свет, дрогнул. Её голубые глаза, глубокие, как море, поймали мой

ВЗГЛЯД.

— Знаю, — я выдохнул, взяв её за обе руки. Голова опустилась, будто боялся её глаз.

— Будешь скучать?

— Уже скучаю, — слова вырвались, как выстрел. Через несколько минут она войдёт в подъезд, я провожу её взглядом до пятого этажа и останусь один. Дворовая братва — шумная, как воробьи, — но без Тани это пустота. Она — мой маяк, мой смысл в этом пыльном городишке.

Собрав волю, я наклонился к её лицу. Она не отшатнулась, её глаза ждали. Мои губы коснулись её щеки — тёплой, мягкой, как лепесток. Мы рассмеялись, как дети, пьяные от момента. Таня обняла меня, её руки обвились вокруг шеи, я погладил её волосы, струящиеся, как река под луной, и хрупкую спину. Этот миг был вечностью, которую я хотел растянуть до конца света.

— Пиши мне, хорошо? — она уткнулась в мою грудь, голос дрожал, как струна. — Хоть точку, если слов нет. Я буду ждать.

— Ты тоже пиши. Звони. Я всегда тебе рад, — я говорил, будто клялся, чувствуя, как её тепло проникает в меня.

Разлука резала, как нож. Мы двинулись к её дому. Я проводил её взглядом до пятого этажа, где её силуэт мелькнул, как звезда, гаснущая на рассвете. Пошёл домой, зная, что бабушка точит топор за опоздание — время перевалило за девять. Дома она кинулась с едой, будто я вернулся с войны. Убедилась, что я в порядке, и села напротив, её глаза, хитрые, как у лиса, начали допрос. Я рассказал про Таню — как её смех и глаза утащили меня в омут, как я потерял счёт времени. Бабушка не ругалась. Она знала, что я гулял с девочкой, знала, с какой. Таня была моим алиби. Поговорив, я ушёл в комнату, взял тетрадь и ручку. Поэзия была моим убежищем, где я выплёскивал всё, что жгло. Хотел описать вечер — закат, крышу, её запах, танец. Но слова не шли. Чувства были слишком большими, чтобы уложить их в строки. Я бросил ручку, лёг на кровать, уставившись в потолок, где тени рисовали её лицо.

Утро ворвалось лучами солнца, пробившими шторы, как стрелы. Написал Тане: «Доброе утро», — и, налив чай, присел у окна. Двор просыпался: пацаны тёрлись у подъезда, старушки тащили сумки, а я смотрел на чужую жизнь. Таня уезжает. Десять дней без неё — как вечность в пустыне. Балкон ждал краски, и я решил утопить тоску в работе. Взял кисть, засохшую, как мои надежды, но вернул краске жизнь. Покрыл половину рамы, вспоминая, как шмякнулся с балкона, глядя на Таню. Улыбка поползла на лицо, тёплая, как её взгляд.

Телефон звякнул. СМС от Тани: «Уезжаем в три. Хочу увидеть тебя». Полдень. Два часа с ней — как два глотка воздуха. «Да, выбегаю», — пальцы дрожали, пока печатал. Переделся, рванул из дома, будто за мной гналась стая собак. Только в пути я обнаружил зеленую краску на руках, было плевать, некогда мыть руки, важная каждая минута сейчас. Во дворе увидел Таню с родителями, идущих в магазин, нагруженных сумками.

— Здравствуйте! — кивнул Ирине, Таниной маме, и протянул руку Ивану, чей взгляд мог пробить бетон.

— Это ты Влад из Москвы? — Ирина рассмеялась, её красные губы вспыхнули. — Таня нам все уши про жужжала!

Иван молчал, его глаза шарили по мне, будто искали следы греха, а находили краску. Этот город утопал в грязи, и он ждал, что я — один из местных призраков. Я держал улыбку, хотя внутри всё сжималось. Мы прошлись до магазина. Родители зашли внутрь, а мы с Таней остались, ворованные мгновения горели ярче солнца. Она теребила край платья, голубые глаза, как море, ловили мой взгляд. Волосы струились, ямочка мелькала. Я хотел говорить, но слова тонули в её присутствии.

— Не хочу, чтобы ты уезжала, — вырвалось, как выстрел.

— Я тоже, — она опустила ресницы, голос дрожал. — Но мы будем писать, да?

— Каждый день. Хоть точку, — я улыбнулся, но сердце сжалось.

Она шагнула ближе, её пальцы скользнули в мою ладонь, время замерло. Ток пробежал по венам, как на крыше. Я сжал её руку, боясь, что она растает.

— Вернёшься, и снова на крышу, — я говорил, будто клялся, глядя в её глаза, где видел своё будущее.

— Обязательно, — её ямочка вспыхнула, как маяк.

Родители вышли, и момент лопнул. Иван глянул, будто прикидывая, достоин ли я его дочери. Ирина улыбнулась, её усталые глаза смягчились.

— Пойдём, Танюш, — позвала она.

Мы двинулись к вокзалу. Таня шла рядом, её рука в моей, но я чувствовал, как она ускользает. У платформы, где поезд пытел, она повернулась ко мне. Её глаза блестели — солнце или слёзы?

— Пиши, Владик. Не забывай, — она прижалась ко мне,

её объятие было коротким, но тёплым, как летний дождь. Я вдохнул её запах — цветы и солнце — и погладил её волосы, мягкие, как шёлк.

— Ты тоже. Я буду ждать, — мой голос дрогнул, но я держался.

Она кивнула, её улыбка была, как последний луч заката. Таня шагнула к родителям, и они поднялись в вагон. Я стоял, пока поезд не тронулся, унося её силуэт в пыльное марево. Сердце сжалось, но я пошёл во двор. Пацаны гоняли мяч, их крики гудели, как рой пчёл. Я влился в игру, пнул мяч с такой силой, будто хотел выместить тоску. Двор жил своей жизнью, а я — своей, пропитанной Таней.

2.

Десять дней без Тани растянулись, как тонкая нить паутины на ветру — хрупкая, но не рвётся. Каждое утро я просыпался с её именем, шепчущимся на губах, а мир вокруг казался бледным, как выцветшая открытка. Переписка была нашим мостом: короткие сообщения, как искры в ночи, — «Как море?», «Думаю о тебе», «Скоро вернусь». Её слова падали на сердце, как лепестки сакуры, напоминая, что она рядом, хоть и за горизонтом. Я красил балкон, мазок за мазком превращая облупившуюся раму в гладкий холст, и каждый слой краски был как слой воспоминаний о ней — о её

улыбке, что зажигала двор ярче фонарей.

Дни текли медленно, как капли росы по траве. Я гонял мяч с пацанами, но мысли улетали к Тане — к её волнистым волосам, что танцевали на ветру, к ямочке на щеке, вспыхивающей, когда она смеялась. Вечерами сидел у окна, глядя, как звёзды вышивают узоры на небе, и писал стихи, слова лились, как ручей в апреле, полные трепета и света. Таня отвечала, её буквы на экране были как касания — лёгкие, но оставляющие тепло. «Море шепчет твоё имя», — писала она, и я видел её на песке, с глазами, сияющими, как волны под солнцем.

Бабушка замечала мою отрешённость, но не ворчала — её глаза, мудрые, как старые книги, улыбались, будто она вспоминала свою юность. Я помогал по дому, таскал вёдра, чинил полки, но мысли кружились вокруг Тани, её образа, что жил во мне, как тихая мелодия. Ночью сон приходил урывками, сны были полны её — прогулок, танцев, её рук в моих. Разлука учила терпению, но каждый день приближал встречу, как рассвет разгоняет тени.

Наконец, день возвращения. Я ждал во дворе, сердце колотилось, как барабан перед праздником. Таня появилась, как мираж — лёгкое платье струилось по её фигуре, волосы, тронутые солнцем, сияли, голубые глаза искрились, ловя свет. Она бросилась ко мне, её объятие было тёплым, как полуденный луч, и я вдохнул её аромат — свежий, как морской бриз, с ноткой цветочного луга. Мы стояли, не разжи-

мая рук, слова не нужны были — взгляды говорили всё. Её губы коснулись моих в первом настоящем поцелуе, нежном, как прикосновение облака, и мир расцвёл, как сад после дождя.

— Я скучала, Владик, — её голос, мягкий, как шёлк, дрожал, глаза блестели, будто роса на лепестках. — Каждый день думала о тебе, о нашей крыше, о твоих шутках.

— А я считал минуты, — я улыбнулся, чувствуя, как её тепло растекается по венам. — Без тебя этот двор — просто пыль. Ты вернулась, и всё снова живое.

— Правда? — она чуть склонила голову, ямочка на щеке вспыхнула, как звезда в сумерках. — А я боялась, что ты забудешь, заиграешься с пацанами.

— Забуду тебя? — я сжал её руку, сердце стучало, как волны о берег. — Ты — как песня, что звучит во мне. Никуда от неё не деться.

— Глупый, — она рассмеялась, её смех зазвенел, как колокольчик, и прижалась ближе. — Я привезла тебе море в кармане. Хочешь, покажу?

Она достала маленький камушек, гладкий, как её ладонь, и вложила мне в руку.

— Это тебе, чтобы помнил, — её глаза встретили мои, и в них было всё — море, звёзды, наша юность.

— Я и так не забуду, — я погладил её волосы, мягкие, как пёрышко, чувствуя, как её близость возвращает меня к жизни. — Пошли на крышу? Хочу снова танцевать с тобой.

— Пошли, — она кивнула, и потянув меня устремилась гулять, будто уводя со двора туда, где мы будем только вдвоём.

Разлука сделала нашу любовь сильнее, как ветер закаляет молодое дерево, и я знал: это только начало. Мы двинулись к девятиэтажке, держась за руки, и мир вокруг был наш — юный, влюблённый, бесконечный.

Глядя на звёзды мы болтали и мечтали о будущем, о том как бы хотели обустроить квартиру, какого цвета будет машина. Между делом я пытался выделяться и казаться крутым, но она всё считывала и смеялась каждый раз, когда я выдавал что-то пахабное и дерзкое.

— Я как волк. – понтуясь выдавал фразу – за свою стаю готов рвать любого

— Волчонок ты мой, расслабься, не надо никого рвать,

просто будь рядом, даже если грустно, просто подойди ко мне и станет веселее.

— ну какой же я волченок, я же злой и зубастый rrrr – рычал я, пока Таня смеялась и дразнила меня.

— нам не страшен серый волк, нам не страшен серый волк! – дразня убегала Таня, а я догонял её и поймав поцеловал превратив дурачество в минуту романтики.

3.

Конец августа накатывал, как грузовик на пьяного. Я знал, что будет: Таня проводит меня на вокзал, я сяду в поезд и 18 часов буду пялиться в окно, думая о ней. А дальше? Год без неё — не жизнь, а медленная смерть. Десять дней разлуки тянулись, как похмелье, а год — это просто пиздец. Мы не из богатых, звонки будут стоить, как бутылка дорожущего виски. Мессенджеры? Какой-то файлообменник — не связь, а насмешка. Я хотел знать каждую её минуту, каждую мелочь, но мир, как всегда, был против.

Мы гуляли по городу, держась за руки. Я читал ей свои матерные стихи, заменяя грубые слова на что-то приличное. Энергия терялась, но она улыбалась. Может, из жалости. Мы болтали без остановки — играли в «вопрос-ответ», несли чушь, открывались, как консервные банки. Когда уставали,

садились на лавку с видом на Большую Медведицу.

— Видишь, три точки и квадратик? — спросила Таня, развалившись на лавке, широко расставив ноги.

— Вижу, — буркнул я, почти шёпотом, чтобы не спугнуть вечер.

— У меня на животе такие же. Показать?

— Давай, — сказал я, и кровь ударила в голову.

Она приподняла футболку. Вокруг пупка — квадратик, выше — три точки, как созвездие. Завораживающе и чертовски сексуально. Мой пах взорвался. Пришлось сесть ровнее, чтобы шорты не выдали мой стояк. Пубертат — это когда твой член решает всё за тебя. Я хотел её, но не сейчас. Не так. Хочу семью, чистоту, идеал. Пусть другие трахаются направо и налево — мне нужна Таня. Секс без любви — это просто дрочка с человеком.

Чтобы отвлечься, я подумал о грустном. О том, как уеду. Кровь отлила от паха, но сердце сжалось. Год без неё. Чёрт.

— Я ещё не уехал, а уже скучаю, — сказал я. — Твои родители привезут тебя в Москву на зиму?

— Бывает, но обычно летом, — ответила она.

— Значит, зимой увидимся?

— Если ты приедешь к бабушке, — сказала она с той же надеждой.

— Да плевать, где. Я хочу тебя видеть. Всегда.

Я готов был переехать сюда. Или она ко мне. Но тут вспомнились слова дворовой подруги: «Она с тобой из-за Москвы». Бред. У нас любовь. И точка. Мы сидели, глядя на звёзды. Бабушка уже не ждала меня к восьми. Таня была важнее. Родители её уехали, так что время было наше. Я молился, чтобы этот вечер не кончался.

Последний день начался слишком рано. Я не спал почти. Два часа сна, и я уже паковал шмотки. Мама приехала пару дней назад и допрашивала нас с бабушкой, как я себя вёл. Бабушка — партизан, не сдала, что я шлялся допоздна. Дела по хозяйству я сделал, так что совесть была чиста, а душа — разорвана на куски. Написал Тане смс в восемь утра, думая, что она спит. Ответ пришёл через секунду. Мы договорились встретиться. Я рванул к двери.

— Эй, ты куда? — крикнула мама.

— К девочке побежал, — отрезала бабушка. — Пусть идёт. Дай молодым погулять.

— Чтобы в двенадцать был! На вокзал ехать! Вещи собрал? — догоняла мама.

— Да, мам, собрал. Приду в два, успеем. Поезд в четыре.

— Я выскочил на улицу, не дожидаясь ответа.

Город был серым, как свинцовое одеяло. Я почти бежал. Увидел Таню — и рванул к ней, как к последнему шансу. Схватил, сжал так, что кости хрустнули.

— Не хочу уезжать! — выпалил я.

— Надо, Волченок, надо, — сказала она, и её глаза блестели, как мокрые камни. Мои тоже покраснели, но я держался. Мужчины не плачут. Хотя внутри всё орало.

Мы стояли, вцепившись друг в друга. Я вдыхал её запах — потрясающий аромат духов, лето, Таня.

— Пиши мне, — прошептала она. — Каждый день.

— Буду, — соврал я. Не потому, что не хотел. Просто знал, что письма не спасут.

Она поцеловала меня. Коротко, но так, что сердце забилось, а миг замер. Потом повернулась и ушла. Не оглянувшись. Я смотрел, пока её силуэт не растворился в сером воздухе. Ноги были как ватные. Я поплёлся к бабушке. В груди болело, будто кто-то вырвал кусок мяса. Любовь — это когда тебе больно, но ты всё равно хочешь больше.

Вокзал вонял мочой и дешёвой едой. Поезд опоздал, как будто мир решил добить меня. Я сел у окна, закинул ноги на сиденье. За окном — серые поля, сарай, тоска. В вагоне пах-

ло потом и колбасой. Напротив сидела тётка с лицом, как у картошки, жрала бутерброд и пялилась на меня. Я отвернулся. В кармане был Танин адрес и телефон на мятой бумажке. Я вертел её в руках, пока она не начала рваться. Убрав в сумку бумажку и положив рядом с камнем, который привезла Таня с моря - я продолжил пялиться в окно.

Поезд тащился 18 часов. Я пил тёплую газировку из ларька на какой-то станции. Пейзаж за окном не менялся. Таня осталась там, под Большой Медведицей. Я думал о ней, но её лицо уже расплывалось, как отражение в грязной луже. Может, она найдёт кого-то. Может, я сорвусь и начну бегать за юбками. Но пока я хотел только её. Хотел её руку в своей, её голос, её запах.

Москва встретила шумом и запахом бензина. Впереди год ожиданий, и новая жизнь, где нет меня, а есть мы. Пусть Таня сейчас не рядом, но всегда в сердце.

4.

Первое сентября ударило, как похмелье после дешёвого виски. Я стоял у входа в свой новый дом знаний, а вокруг толпа абитуриентов дымила сигаретами, создавая облако, густое, как их будущее. Солнце светило, будто издеваясь. Говорят, студенческие годы — самые счастливые. Ну, значит, это мой первый день счастья.

Нашёл своих одноклассников и препода. Встал рядом,

разглядывая тех, с кем придётся грызть гранит науки. Фриков почти нет — уже плюс. Две девчонки шептались и пялились на меня. Я сделал вид, что не замечаю. Надеюсь, они не про меня. Вариантов рядом — жирдяй, две дурнушки и препод. Не густо. Нас загнали в здание, толпа ломанулась в двери, как на распутье. В кабинете я занял место в углу, подальше от всех. Но эти две подсели рядом.

— Привет, будем вместе учиться? — набросилась одна.

— Привет. Получается, так, — буркнул я, слушая препода. Она бубнила про правила, на которые все забывают.

— Буду рядом с тобой сидеть. Ты мне понравился, — не унималась она.

— Как хочешь. Но у меня девушка есть. Будем дружить. Я Влад. — Протянул руку.

— Катя, — сухо ответила она, пожав руку.

— Света, — влезла её подруга.

— Может, вы вместе будете сидеть? Вы же подруги.

— Так, прекратили в углу! — рявкнула препода. — Уже роман накручивается? Рано ещё, знания сначала получите!

— Там сорок человек сидят, они же слушают, — дерзко бросил я.

— Не язви, я тебя запомнила. Скоро узнаешь мой гнев, — отрезала она и вернулась к лекции про технику безопасности.

Учёба началась, как тягомотина. Скучные лекции, но после — свобода. Первые сигареты, алкоголь рекой. Группа была дружная. Препод, хоть и грозная, быстро нас полюбила. Мы дерзили, но с уважением, а она закрывала глаза на наши косяки. Я стал душой вечеринок. Учёба давалась легко, но тоска по Тане жрала изнутри. Мы почти не общались. За два месяца — двадцать смс, не больше. Но я чувствовал её. В толпе видел её лицо, моргнёшь — и нет ничего. Успехи в новом учебном заведении грели душу, но тоска загоняла в угол. Иногда хотелось запереться дома и думать о ней, пока не задохнусь.

В промозглый ноябрьский вечер, Юля, с которой прощались на пороге школы - позвала на день рождения. Она подрабатывала в чайной своего дяди — крутое место с подушками и комнатами, как в гареме. Но сегодня там была тусовка: громкая музыка, пьяная молодёжь, воздух трещал от энергии.

— И ты здесь? — Катя выросла из ниоткуда, пока я болтал

с пацанами.

— Ага. Ты Юлю знаешь?

— Конечно. Она сказала, ты клёвый. Но расстроила, что у тебя девушка. Она тут?

— Нет, в другом городе.

— Любовь на расстоянии? Как романтично, — язвила Катя. — Ничего, я тебя вылечу.

— Я не болею, — отрезал я.

— Посмотрим, — подмигнула она и пошла курить кальян. Я вернулся к разговору про тачки.

Напившись, я, как дурак, позвонил Тане.

— Алло, привет! — радостно ответила она.

— Привет, моя хорошая, — я старался говорить трезво, но язык заплетался.

— Что с голосом? Ты заболел?

— Нет, на дне рождения. Накурено, надышался.

— Ты пьян? — с удивлением спросила она.

Я замялся. Соврать, как школьник, или честно?

— Пьян, — выдавил я с тоской.

Она помолчала пару секунд.

— И как ты? Не плохо?

— Плохо, когда тебя нет.

— Зато другие бабы есть, — резко бросила она.

— Мне похер на них. Только ты нужна.

— Очень надеюсь...

Мы болтали пару минут, но связь оборвалась. Деньги на телефоне кончились. Её голос был как глоток воды в пустыне. Я вернулся на тусовку, но веселье умерло. Разговор с Таней встряхнул, как пощёчина. Я налил полстакана палёного виски, залил колой и жадно глотал. Хотел напиться до чёртиков. Чувства смешались: её голос греет, но я заставил её волноваться. Дерьмо.

— Выпьем? — Катя опять появилась, как чёрт из табакер-

ки.

— Давай. — Я обновил ей стакан и себе. Звякнули бокалы. Я хотел свалить к пацанам, но она схватила меня за руку и притянула. Пыталась поцеловать, но я держал голову высоко. Её рост не позволял дотянуться до губ даже на мысочках.

— Ну ты чего? Всё о своей девушке думаешь? Она же не рядом, какая разница?

— Есть разница. Я её люблю. Не могу предать, — сказал я, выдергивая руку. Не резко, чтобы не раздуть ссору.

— Странный ты. Я к любому пацану подойду, и он будет счастлив. А ты выкабениваешься, — с обидой бросила Катя.

Она ушла тусить. Я остался у стола с выпивкой, вокруг собралась толпа. Мы пили, орали, веселились. Но пол стал мягким, силуэты двоились. Пора было падать. Предки думали, что мы все тут у друзей с ночёвкой. Технически так и было. Я нашёл укромный угол с подушками и рухнул. Вертолёты кружили голову, виски с колой просились наружу. Я держался. Надо просто уснуть.

Катя снова появилась.

— Устал? Воды принести? — спросила с заботой.

— Давай, мне хреново, — промямлил я с пьяной хрипотой.

Она вернулась со стаканом. Я попытался встать, но тело не слушалось. Ещё минута — и вырублюсь. Катя поставила стакан на пол и легла рядом.

— Катя, ё-моё, я же сказал, у меня девушка.

— Она не принесла тебе воды, а я принесла.

— И где она?

— Ты же сказал, она в другом городе.

— Кто, вода?

— Нет, девушка, — засмеялась она.

— Ты тоже воду не принесла.

— Поцелуй — дам воду.

— Тогда умру от жажды, — буркнул я, отодвигаясь.

Она села сверху. Вертолёты ускорились, желудок взбунтовался. Она наклонилась для поцелуя, но виски оказался быстрее. Я вырвался из-под неё и рванул в туалет. Толпа видела, как Катя лезла целоваться, а я побежал блевать. Завтра

будут ржать. Вывернув всё, я умылся, доплёлся до своего угла и рухнул на подушку. Кати не было — слава богу. Мир завертелся, и я вырубился.

Утро было как удар молотком. Голова трещала, во рту вкус, будто я лизал пепельницу. Солнце резало глаза через щели в шторах. В чайной воняло перегаром и пролитым пивом. Кто-то храпел в соседней комнате. Я встал, ноги дрожали, как у новорождённого оленя. На столе валялись пустые бутылки и окурки. Праздник кончился, осталась только грязь.

Я нашёл свою куртку, проверил карманы. Телефон, мятая бумажка с адресом Тани и камешек с моря — всё на месте. Вышел на улицу. Москва была холодной и серой, как моя душа. Я думал о Тане. Её голос вчера был как нож — резал, но напомнил, что она есть. Я хотел написать ей, но баланс был нулевой. Чёрт. Любовь на расстоянии — это сложно. Всё равно верю в нас.

Плёлся домой, ноябрьский холод и тоску. Впереди лекции, тусовки, Катя, которая не отстанет. Но в груди сидела Таня. Её запах, её созвездие на животе, её голос. Я не знал, как дожить до зимы. Может, она уже забыла меня. Может, я сам сорвусь. Но пока я держался за неё, как за последнюю бутылку в баре. Жизнь на расстоянии — это когда ты пьян, влюблён и всё равно чувствуешь себя пустым.

Сообщение от Тани обрушилось, как гром среди тишины: она приедет на зимние каникулы в Москву. Сердце рванулось, словно вырвавшаяся птица, и я вдохнул глубже — лёгкие наполнились свежим ветром, мысли обрели ясность. Новый виток нашей истории, ещё одно звено в цепи, что тянется через месяцы разлуки. Её приезд совпал с концертом в училище перед Новым годом — моей расплатой за дерзость первого сентября и вечные опоздания. Препод вынесла приговор: подготовь выступление — и я прощён. Узнав про Таню, я почувствовал, как камень с души падает — разум озарился, чистый, как небо после ливня.

Подготовка шла сама собой. Репетиции на сцене училища, где эхо подхватывало мои слова, и во дворе с пацанами — один бил битбокс, я выговаривал фристайл или отшлифованные строки, будто разбрасывая искры. Таня, после пяти месяцев тишины, увидит меня другим. Когда мы встретились, сигареты были мне чужды, алкоголь — запретной землёй с нераскрытыми тайнами. Теперь одежда висела шире, копируя гетто-легенд, а в походке и словах проступила уличная дерзость. Надеялся, она не испугается, не сбежит. Но под этой маской я остался собой — ранимым, жаждущим любви, мечтающим о доме, где нас ждут. Эта мода на широкие джинсы уйдёт — я ещё юноша, и жизнь должна идти в ритме лет.

Дни до встречи отсчитывались, как капли в пустой бочке. Я ждал миг, когда наши руки сплетутся, губы сольются в

поцелуе, и я вдохну её аромат, взлетев на седьмое небо, где время тает. Приехал на Курский вокзал заранее, сжимая белые розы в прозрачной плёнке — бутоны клонились под морозом, пакет покрывала изморозь. Стоял на платформе, выискивая Ивана или Ирину — они тоже должны были встречать Таню. Не увидев никого, ждал, пока холод пробирал до костей. Локомотив выполз из-за поворота, ползя медленно, будто дразня. Сердце сжалось, внутри разгорелся жар, согревая мёрзнувшее тело. Поезд подползал, платформа оживила людьми, и я знал: скоро снег растает под теплом объятий.

Толпа ринулась вдоль вагонов. Я шёл за нужным, вглядываясь в окна, но Тани не было видно. Встал у выхода, и тут появился Иван, заняв место рядом. Он не сразу заметил меня с цветами. Дверь открылась, и Таня вылетела, как стрела, вцепившись в меня. Мы обнялись крепко, мир вокруг исчез — её запах, улыбка, глаза цвета моря, ямочка на щеке. Идиллия длилась, пока Иван не кашлянул:

— Ну, я тоже не последний в твоей жизни, привет, дочь,
— он обнял Таню по-отцовски, поцеловав в лоб.

Мы двинулись к вокзалу. Тане нужно было отдохнуть после дороги, а путь из Подмосковья до меня — два часа на электричке. Решили оставить её вещи у отца и провести день вместе. Я кивнул Ивану:

— Дядь Вань, не тревожьтесь, я рядом. К сроку привезу

её, куда скажете.

— Смотри мне, я за дочь горой... — его голос был твёрд, как гранит.

— Пап, хватит, — Таня улыбнулась, одёрнув его, и мы пошли к метро.

Оставив сумки, договорились: вечером вернусь сюда, а утром заберу её на концерт. День пролетел ярко — я возил Таню по Москве, показывая её огни, пока силы держались. С наступлением темноты двинулись к месту встречи с Иваном. Идя вдоль тротуара у сигаретного завода, заметил белый снег у забора — чистый холст. Отпустив её руку, стал вытаптывать сердце. Таня засмеялась, как ребёнок, умоляя вернуться:

— Снег промочит тебе ноги!

— Плевать, — я закончил, и мы стояли, ловя снежинки ресницами, обнимаясь, согревая друг друга. Смотрели на почти ровное сердце и пытались остановить мгновение.

Наутро пропустил пары, заскочил в парикмахерскую — сделали крутую стрижку. Привёз Таню в училище, познакомил с друзьями — шалопаями, попросив присмотреть за ней, пока я за кулисами. План: после выступления игнорировать правила и сесть рядом. Зал заполнялся студентами и

родителями, учителя следили за порядком. Танцы, новогодние песни, стихи — всё шло своим ходом. До моего выхода — минуты. Я бормотал текст, когда сзади возникла Катя.

Её образ резал взгляд — высокая, с кожей, будто выточенной из слоновой кости, тёмные волосы струились, как ночной поток, скрывая суть. Зелёные глаза, с кошачьей хитринкой, следили за мной, обещая тайны. Распахнутая кожанка обтягивала фигуру, джинсы подчёркивали шаги, но в ней жила грация, что спорила с её прошлым — слухи шептались о дворовых тусовках, где она научилась плести сети из слов. Улыбка была тёплой, как угли, и холодной, как иней, — маска змеи, что вьётся, предлагая запретный плод, сладкий, но с ядом.

— Волнуешься? — её голос лился, как мёд с перцем.

— Опять ты? — я усмехнулся, отстраняясь.

— Не опять, а снова, — поправила она, пальцы скользнули по моей руке. — Твоя девушка там? Не дури, мы же друзья.

— Дружбы нет, если один хочет больше, — я отрезал, и она ушла в зал, оставив тень сомнений.

Плевать. Сосредоточился. Проигрыш гремел, я нашёл Танины глаза — чуть не сбился. Выступление вышло жарким,

я передал микрофон ведущей и спустился в зал под овации. Шёл к Тане, но Катя преградила путь, пытаясь обнять. Я увернулся, пожав руку:

— Кто это? — голос Тани полоснул, как ветер с клинком, глаза сузились.

— Прилипала с первого дня, не отстаёт, — буркнул я. — Она мне ни к чему, я ждал только тебя.

Таня молчала, но обида в её взгляде жгла, как мороз. Попытался взять руку — она сжала кулаки, отстраняясь. Нервы натянулись, захотелось закурить.

— Уедем? — предложил я.

— А концерт? — её голос дрогнул.

— Всё сделал. Останемся, если хочешь, но вижу — тебе не до того.

— Ты прав, уедем.

В электричке из Королёва я оправдывался, как провинившийся щенок, хотя вины не чувствовал. Катю стоило отшить жёстче, но я не ждал её упорства. Почему я, когда вокруг парни круче? Моё сердце — Танино.

Это была наша первая ссора. От напряжения я понял: больше не хочу ссор. Никогда.

Мы вышли из электрички, и холодный воздух Москвы ударил в лицо, как пощёчина. Таня шла молча, её шаги были резкими, глаза опущены, а руки сжаты в кулаки, будто она держала в них всю свою обиду. Я шёл рядом, чувствуя, как расстояние между нами растёт, хотя мы были плечом к плечу. Наконец, у парка, где деревья стояли, как стражи в зимнем плаще, я остановил её, взяв за локоть — мягко, чтобы не спугнуть.

— Таня, подожди. Не уходи так. Я вижу, как это жжёт тебя внутри, но клянусь, Катя — никто. Она вьётся, как плющ по стене, но я отталкиваю её каждый раз. Ты — моя единственная.

Она повернулась, её голубые глаза, обычно сияющие, как летнее небо, теперь были затянуты облаками грусти. Ямочка на щеке мелькнула, но не от улыбки — от лёгкой дрожи губ.

— Почему она так близко? — её голос был тихим, как шорох листьев, но в нём сквозила боль. — Я видела, как она смотрит на тебя, как касается. А ты... ты улыбнулся.

— Это не улыбка, это маска, чтобы отшить, не обидев, — я шагнул ближе, чувствуя, как её тепло пробивается сквозь холод. — Она предлагает плод, что манит, но я знаю — он горький. Мои мысли только о тебе. О твоих глазах, что светят мне путь, о твоей улыбке, что делает мир ярче. Я ждал тебя пять месяцев, и ни одна Катя не сдвинет меня с места. Ты — моя звезда, Таня. Без тебя — тьма.

Она замолчала, её пальцы, холодные, как снег, наконец разжались и коснулись моей ладони. Её взгляд смягчился, облака рассеялись, и в глазах блеснул лучик — то ли слеза, то ли искра доверия.

— Я верю тебе, Владик, — прошептала она, шагнув в мои объятия. — Но не давай ей шанса. Ты — мой, а я — твоя. Давай не позволим ничему встать между нами.

Мы стояли под деревьями, обнимаясь, и её тепло растеклось по мне, как солнечный свет по замерзшему озеру. Поцелуй был нежным, как первый снег, — он стёр обиду, оставив только любовь. Ссора ушла, как тень перед рассветом, и мы пошли дальше, держась за руки, зная, что наша связь крепче любой бури. Это был урок — первая трещина, что сделала нас сильнее, как дерево, что корнями уходит глубже после шторма.

6.

Каникулы подходили к концу. Послезавтра у Тани поезд домой, и эта мысль жгла, как самогон. Вечером, провожая Таню к родителям, они вдруг выдали: «Останься с ней на сутки». Мы с благодарностью приняли это предложение, сердца колотились в унисон. На следующий день я после пар рванул домой, закидал рюкзак шмотками и помчался к своей судьбе. Иван, её отец, уже не смотрел на меня, как на врага народа, даже начал доверять. Мелкая победа, но грела душу. Я влился в их семью — обычный пацан со двора, пропахший табаком и дешёвым дезодорантом, в широких штанах и бесформенном худи. Может, хотели для медалистки Тани парня в пиджаке, но приняли меня с душой, а не с баблом. Это важнее их снобских грез.

В электричке до Подольска мы с Таней держались за руки, как бобры в спячке. Её запах — шампунь и что-то тёплое — били по башке, и кровь утекала вниз, где мой «маяк» уже маячил, как дурак. Молодой организм — это проклятье. Два года до 18, до секса, — долгая каторга. Хотел её, но не так, не в потной спешке. Хотел чистоты.

Дома я стеснялся, как школьник перед учителем. Уселись ужинать. Иван травил байки, Ирина улыбалась, и запах домашней еды душил ностальгию. После ужина все закурили,

кроме меня. Таня шепнула:

— Чего не куришь?

— Не могу при родителях, — буркнул я.

— Папа в 13 начал, расслабься, — хихикнула она.

Иван перебил:

— Чего шепчетесь? Влад, курить стесняешься?

Тишина повисла, как в гробу. Потом они заржали и подвинули пепельницу. Я неловко затянулся, выдыхая дым под стол, чтобы не задымить Таню. Иван посерьёзnel:

— Бросай, пока не поздно. Гордимся, что Таня не курит, не пьёт. Не начнёт же? — уставился на меня.

Я опешил, но выдавил с улыбкой:

— Нет, не допущу. И сам завяжу, дрянь это.

Затушив бычок, я махнул Тане на второй этаж — подальше от смога. Она включила фильм, и мы рухнули на подушки, обнявшись. Мир исчез, осталась комната с покатым де-

ревом на потолке. Таня надела мою голубую рубашку, которую я носил в школе и взял с собой на всякий случай — три верхние пуговицы расстёгнуты, бежевый лифчик мелькал, сливался с кожей. Мой «маяк» встал, как солдат на посту. Я дёргался, поправляя шорты, но проще было не шевелиться. Её глаза были в фильме, а я боялся, что бугорок в паху выдаст меня.

Родители постучали, и авторитет Ивана убил мой стояк за секунду. Ноги затекли, я сменил позу. Ирина пошутила:

— Принимайте душ, по очереди, и спать.

— Я первый! — рывкнул и рванул в ванну. Холодная вода была спасением от голода льва перед куском мяса. Таня была рядом, и это убивало.

Вернулся — на полу лежало моё ложе с ватным матрасом. Таня ушла в душ. Я остался с родителями. Неловкость молчания разорвал Иван:

— Ты классный, как я в молодости. Только я был наглее. Девки это любят.

— Вань, не городи, он Таню любит, — оборвала Ирина.

— Пацан есть пацан, делюсь опытом, — хмыкнул он.

Мы разговорились. Я про себя, они про детство Тани. Она вернулась в пижаме, легла рядом с родителями. Мой «ма-як» ожил, и я укрылся одеялом. Чёрт, это пытка. Тайна секса жгла мозг, логика улетучилась, оставив животное желание. Смотрел в телевизор, отвернулся от неё и уснул.

Утро пахло сыростью и концом. Таня уезжала домой, а я оставался. Камень на плечах стал тяжелее. Мы поехали проводить Таню на вокзал. В электричке до Москвы молчали, её рука в моей дрожала, как лист на ветру. Вокзал гудел — вонь бензина, мокрый асфальт, толпа. Поезд ждал, чтобы утащить её прочь. Я стоял с её сумкой, Таня смотрела на меня, зрочки блестели от слёз, которые она сдерживала. Иван с Ириной отошли, давая нам минуту.

Я обнял её, притянув так, что её рёбра впились мне в грудь. Её запах — шампунь, лёгкий пот, моя рубашка — ударил в нос, и я чуть не зарычал. Хотел её прямо тут, но не в этой грязи.

— Не хочу отпускать, — хрипло выдавил я, голос сорвался.

— Надо, Волченок, — шепнула она, и слеза скатилась по щеке. Я поймал её пальцем, притянул её лицо и поцеловал. Её губы были солёными, тёплыми, и я пил их, как последний глоток. Сердце колотилось, она дрожала в моих руках — это был крик, мольба, всё, что не мог сказать.

Она отстранилась, её глаза — два колодца боли.

— Пиши, хоть точку — сказала она, голос дрожал.

— Буду, — сказал я.

Поезд свистнул. Её пальцы скользнули по моей руке, как уходящее тепло. Она шагнула к вагону, обернулась — слёзы текли открыто, рвали меня на куски. Я остался на платформе, глядя, как её силуэт растворяется в окне. Сердце сжалось, как кулак, и я понял: новые пять месяцев — это не время. Это смерть по кускам.

7.

Дни тянулись, как сыр в жару, — липкие, тёплые, с душком разлуки. Новая страница нашей с Таней истории, ещё одно звено в этой цепи, что нас связывала. Соцсети уже появились, сообщения сыпались, как песок из дырявого мешка, и наша связь только крепла. Я писал ей стихи — корявые, но от сердца, а она толкала меня на подвиги. Мы договорились: это лето — наше, проведём его на море, ловя закаты и рассветы, добавим в нашу историю пару ярких пятен. Танины родители видели, как мы прилипли друг к другу, и только хотели, чтобы их девочка была счастлива.

Курский вокзал. Поезд. Тосное ожидание. До встречи — считанные часы. Таня должна была сесть в наш вагон по пути, и дальше к морю вместе. Но на границе всё пошло к чёрту. Тогда она была чёткой, как лезвие, — граница между двумя братскими странами, мать их. Мы облажались с доверенностью. Мне, дураку, не хватило бумажки, чтобы выехать из России без опекуна.

Полночь. Локомотив встал перед последним рубежом. Вагоны заполнили пограничники в погонах и камуфляже. Овчарки шныряли, вынюхивая что-то у пассажиров. Я клевал носом, еле соображая, что происходит.

— Куда едешь? — пограничник листал мой паспорт, будто искал там смысл жизни.

— К девушке. На море, — пробормотал я, потирая сонные глаза.

— А родители где?

— Дома. Зачем мне родители? Мне семнадцать, я работаю, сам на море накопил.

— Без опекуна или доверенности ты никуда не едешь, — отрезал он, захлопнул паспорт и ушёл. Иван, кинулся за ним, размахивая руками, пытаюсь что-то втолковать этому каменному вояке.

Через пару минут Иван вернулся.

— Ириш, езжай дальше, встречай Таню. Мы с Владом догоним позже.

— Нет, вы езжайте. Я позвоню маме, она меня через границу провезёт. Не парьтесь, я справлюсь.

— Мы за тебя отвечаем, — буркнул Иван, нахмутив брови.

— Дядь Вань, у меня борода уже растёт. Я справлюсь. Езжайте, — отрезал я и рванул к выходу.

Слезая по трапу, я заметил ещё несколько человек, которых тоже высадили. Плана не было. Голова гудела, хотелось спать и решить всё утром. У вокзала ко мне подвалил пузатый мужик с кавказской внешностью и южным акцентом.

— Куда едешь, братишка?

— В Крым, — бросил я, чтобы отвязался. Знаю я этих вокзальных шакалов.

— В Крым не повезу, но на ту сторону перекину. Тебя не пустили, да? — не отставал пузан.

— Не пустили. Мне семнадцать.

— Вай, а к кому едешь?

— К девушке. На море.

— Любовь — дело такое. Я сам был молодой, влюблённый. Однажды полстраны на товарняке проехал ради девочки, — его слова задели что-то внутри, и я решил выслушать. Но тут зазвонил телефон. Мама. Уже в курсе, что меня высадили.

— Почему не позвонил?! — её крик рвал динамик.

— Поздно уже, ночь на дворе.

— Какая разница? Где ты? Почему один?

— Мам, я взрослый, разберусь. Утром поеду в Москву, билет уже взял, — соврал я. — Сейчас в отель, переночую и выезжаю.

Ложь во благо. Если бы она узнала, что я задумал, её бы инфаркт хватил.

— Ты поел? — смягчилась она.

— Ещё нет, куплю что-нибудь. Утром позвоню, — я отключился, пожелав ей спокойной ночи.

— Так как ты можешь помочь? — вернулся я к таксисту.

— Приедем к границе, выйдешь, пройдёшь пешком через посадку. На той стороне мой коллега встретит, отвезёт к вокзалу. Может, догонишь свой поезд, — уверенно сказал он.

— Сколько это стоит?

— За топливо отвезу, а коллеге дашь тысячу — и в расчёте. Хочу помочь, чисто по-человечески.

Я закурил, попросил десять минут на подумать. С одной стороны — шальная пуля на границе, с другой — тоска по Тане и нашему морю. Сердце колотилось.

— Ты раньше так делал?

— Два-три рейса в день. Кого-то ловят, кто-то проскакивает. Ночь, погранцы спят, пара срочников на патруле, и всё. Граница дырявая, от кого её защищать? — хохотнул он.

— Ладно, по коням. Будет весело, — выдавил я, дрожа от страха.

Мы сели в машину. По пути он трещал про свою молодость, как гонял на товарняках с щебнем и углём от Белго-

рода до Владикавказа. Занимательно, черт возьми. Я даже немного расслабился, хотя руки всё ещё тряслись. Дорога потемнела, но впереди загорелись фонари — граница. Пот выступил на висках.

— Не дрейфь. Даже если заметят, подними руки и скажи, что тебе семнадцать. Стрелять не будут. Да и патронов у срочников, небось, нет, — подбодрил таксист. — Слушай внимательно. Вон посадка. Идёшь через неё. Не беги, не сутись, просто шагай. Пройдёшь поле до следующей посадки, потом вдоль неё, но внутрь не лезь — там ветки, напорешься в темноте. Как поле кончится и перейдёшь лесополосу — ты на той стороне. Прокрадись к биотуалетам. Без резких движений. Понял?

— Понял. Спасибо, — я пожал ему руку и вылез из машины.

— Ни пуха! — крикнул он вслед.

Я шагнул в лесополосу. Ночь была чёрной, как деготь, только луна выхватывала куски травы да ветки, что хрустели под ногами. Сердце стучало так, что казалось, его услышат за километр. Я шёл, как велели, — медленно, без суеты, хотя внутри всё орало: "Беги!" Поле тянулось бесконечно, каждый шорох заставлял замирать. Где-то вдали залаяла собака, и я чуть не обделался. Но шёл дальше, вдоль границы леса, пока не добрался до следующей лесополосы.

Я уже не так трясся. Мысль, что я делаю безумство ради любви, заряжала. Я представлял, как вхожу в вагон, как Танины родители пялятся на меня с изумлением, как я плюхаюсь на своё место, откуда меня выгнал пограничник — просто мужик, делающий свою работу, которому плевать на чувства, если у тебя нет денег. Луна светила, Большая Медведица указывала путь.

У границы сердце снова сжалось, кровь закипела. Самые опасные пятьсот метров были впереди. Надо было прошмыгнуть, как мышь, к биотуалетам, где, надеюсь, ждал таксист. Я присел в посадке, чтобы оглядеться. Ветерок качал пшеницу, за холмом мигал фонарь — то ли движется, то ли мне мерещится от усталости. Я шёл медленно, следя за огоньком. Ещё шаг — и я на той стороне. Ждать нечего, фонарь просто фонарь. Осталось пять минут. Я выбрался из посадки, хрустя ветками, и двинулся к точке. Сердце колотило, хотелось курить, но дым мог меня выдать.

— Стой, кто идёт! — рявкнули сзади. Я вскинул руки, вспомнив слова таксиста.

— Мне семнадцать! Не стреляйте! — крикнул я и, обесилев, рухнул на колени. Терять было нечего. Опустил руки, чтобы достать сигарету.

— Подними руки! — снова рявкнули. Я успел вытащить сигарету, чиркнул зажигалкой и, затянувшись, поднял руки

с пачкой и зажигалкой.

— Нормально ты гуляешь. Кто такой? Откуда? — пограничник направил на меня автомат, второй светил фонарём в лицо.

— Ребят, меня с поезда высадили, опекуна не было. Еду к девушке, она ждёт на море.

— Герой-любовник, блять, — сплюнул пограничник, опуская автомат. Луч фонаря перестал жечь глаза.

Мы зашли в какое-то здание. Мне велели открыть рюкзак и показать документы. Ничего интересного — пара трусов, футболки, шорты, тетрадь с ручкой.

— Что с тобой делать? — спросил один.

— Отпустить, что ещё, — я выдавил истерическую улыбку. Трое в кабинете заржали.

— Простой, как три копейки. Ты нарушил границу, несовершеннолетний. Мы обязаны тебя задержать, а там как пойдёт.

— Ну, молодой, горячий, ошибся. С кем не бывает? Вам же тоже недавно разрешили сигареты покупать, должны понять.

— Бабки есть? — резко оборвал один из них.

— Есть, на море зарабатывал весь год, — я вытащил кошелек, где лежало на пару недель у моря.

— Маловато, — он перелистал купюры, намекая, что я припрятал ещё. Но всё было там.

— Всё, что есть. Даже на дорогу до города не осталось, — сказал я с грустью, но знал, что найду способ выбраться, если отпустят.

Погранец кинул на стол мой паспорт, сунув туда две тысячи, и молча кивнул своим, чтобы я валил. Меня вывели на улицу.

— Мы чуть не шамальнули, когда ты руки опустил. Думали, за оружием тянешься, а ты закурил. Мы офигели от твоей наглости, — сказал один.

— Я сам офигел. Не каждый день на границе ловят. Так у вас всё-таки патроны есть?

— Конечно, и право стрелять — сначала в воздух, потом на поражение. Если б ломанулся — недалеко бы убежал. Ладно, бывай. Вон твой таксист ждёт, — он кивнул на красную «девятку» у биотуалетов.

Вот почему таксист не взял денег. Тут всё схвачено. Я на-

тянул улыбку и пошёл к машине. Водила, худой, с сигаретой в зубах, молча открыл дверь.

— Догоним поезд? — спросил я, запрыгивая.

— Если не улетел, то да, — буркнул он, заводя мотор.

Мы рванули по узкой дороге вдоль путей, что блестели под фонарями. Я пялился в окно, выискивая состав. В груди всё сжималось — страх, надежда, эта чёртова юность, что гнала меня вперёд. Через полчаса мы заметили поезд на каком-то захудалом полустанке. Он стоял, будто ждал.

— Беги, пацан, — сказал водила, тормозя. — Тысячу потом отдашь, если догонишь.

Я выскочил и понёсся к вагонам. Ноги горели, лёгкие рвало, но я бежал, как псих. Вагон был где-то впереди. Я орал её имя, плевать, кто услышит. Поезд дёрнулся, зашипел, готовясь тронуться. Я влетел в последний вагон, цепляясь за поручни, и пробежал через тамбур, пока проводница вопила.

Я ввалился, потный, задыхающийся, грязный но живой. Родители Тани, которые явно не ожидали увидеть меня обомлели.

— Ты псих, — сказала Ирина, обнимая меня так, будто я вернулся с того света. Ты как вообще тут оказался?

— Ради Тани — хоть через сто границ, — выдохнул я.

Поезд тронулся, унося нас к морю. Эта ночь, этот бег, этот страх — они врезались в нашу историю. И чёрт возьми, оно того стоило.

Утром наш поезд приполз в пыльный городишко. На платформе ждала Таня. Пока состав тащился, растягивая ожидание, я пытался оттереть грязь с ног, что бегали ночью по полям через границу. В поезде не было ни воды, ни мыла, чтобы привести себя в порядок. Да и плевать. Таня заметила меня в окне, и её улыбка — та самая, ради которой я полез в эту авантюру, — ударила, как ток. Я ожил.

— Влад, тебя мама к телефону! — эта фраза хлестанула, как гром.

— Да, мам, всё нормально, я снова в поезде, — выпалил я, запыхавшись от стресса, не дав ей даже поздороваться.

— Как ты там оказался?

— Мам, тебе лучше не знать. Жив, цел, поел, — я ухмыльнулся, глядя на Таню через стекло.

— Через границу, что ли, бежал? — хохотнула она.

— Ага, конечно, — я бросил правду с иронией, зная, что она не поверит. Пусть думает, что мы откупились ещё в поезде, а не что на меня целились из автомата. — Всё, мам, мы в городе, Таню вижу, потом созвонимся.

Я кинул телефон Ивану, рванул дверь тамбура и ломанулся к Тане. Новая встреча. Те же духи, что сводили с ума, поцелуй — сладкий, как мёд, и взгляд Ивана, который прожигал мне спину, пока он ждал своей очереди обнять дочь.

В вагоне я выложил всё про ночь. Родители Тани вставили свои пять копеек:

— Грязный, потный, запыхавшийся, вваливается и кидает рюкзак на полку, — рассказывала Ирина, качая головой. — Мы офигели, думали, кто-то занял твоё место. А это наш Влад. Бестолковый, псих... — она ругалась, но улыбалась.

Через пару часов мы увидели линию горизонта. Море ждало впереди, обещая закаты и рассветы, о которых мы с Таней мечтали. Денег не осталось — всё ушло на границе, но дома был заначка. На неё и будем жить. Что скажу маме? Придумаю. Всегда придумываю.

Море пахло солью и свободой. Предки Тани сняли какую-то дыру у старухи, что сдавала комнаты за копейки. Комната была тесной, с облупленной краской на стенах и скрипучими кроватями, но нам было плевать. Окно выходи-

ло на море, и это всё, что имело значение. Утром мы бродили по берегу, босиком, пока песок не начинал жечь пятки. Таня смеялась, когда волны лизали её ноги, и её волосы трепал ветер, как в дешёвом фильме про любовь. Я смотрел на неё и думал: ради этого стоило бежать через границу, ради этого стоило рисковать.

Вечерами мы сидели на камнях, глядя, как солнце тонет в воде, окрашивая небо в багровый и золотой. Я курил, она прижималась ко мне, и её кожа пахла солью и солнцем. Мы почти не говорили — слова были лишними. Просто сидели, пока ночь не накрывала нас, как одеяло, и звёзды не начинали мигать над головой. Иногда она пела что-то тихо, под нос, и её голос сливался с шумом волн. Я не знал, что это за мелодия, но она въедалась в мозг, как запах её духов.

Однажды мы напились дешёвого вина, что купили у местного деда. Сидели на пляже, хохотали, как идиоты, и кидали камни в воду, споря, чей дальше улетит. Она выиграла, и я притворился, что злюсь, а потом повалил её на песок, и мы целовались, пока не задохнулись. Песок лип к коже, но нам было всё равно. Это было наше море, наше лето, наша чёртова юность.

Днём мы гуляли по рынку, где торговали всяким хламом — от ракушек до поддельных очков. Таня примерила дурацкую шляпу, и я сказал, что она похожа на пирата. Она ткнула меня локтем, но смеялась так, что я чуть не влюбился заново. Денег хватало только на хлеб, сыр и пару бутылок пива,

но мы растягивали их, как богачи. Ели на пляже, глядя, как чайки орут и дерутся за объедки.

— Ты правда пробежал границу ради меня? — спросила она как-то ночью, когда мы лежали на матрасе в нашей комнатухе, слушая, как море дышит за окном.

— А ты сомневалась? — я повернулся к ней, её глаза блеснули в темноте.

— Псих, — прошептала она, но её губы нашли мои, и это был лучший ответ.

Каждый закат, каждый рассвет с ней — они врезались в меня, как пули, но такие, от которых не умираешь, а живёшь. Я знал, что эта история — наша, с Таней, — будет со мной всегда, даже когда море останется только в памяти, а песок вытряхнется из кроссовок. Чёрт возьми, оно того стоило.

Одной ночью мы стащили бутылку дешёвого портвейна у местного деда, что торговал всем подряд и сбежали, пока предки спали. Сидели на нашей скале, пили прямо из горла, и Таня рассказывала, как в детстве боялась моря, думая, что оно проглотит её. Я слушал, затягиваясь сигаретой, и думал, что это море могло бы проглотить меня, но я бы не сопро-

тивлялся, если б она была рядом. Мы говорили о ерунде — о звёздах, о том, как пахнет соль, о том, что будет, когда нам стукнет восемнадцать. Она прижалась ко мне, её волосы щекотали шею, и я чувствовал, как её сердце бьётся в такт с моим.

— Давай, как раньше, поиграем в вопрос-ответ? — прошептал я, боясь спугнуть эту хрупкую тишину, что связывала нас.

— Тогда ты начинай, — ответила Таня, вжимаясь в меня ещё сильнее, будто хотела раствориться.

— Извини, если грубо прозвучит, но правда интересно. Можешь не отвечать, если не хочешь.

— Это не по правилам, — она пихнула меня локтем и чмокнула в щеку. — Сказал «А», говори и «Б».

— Ладно... Скажи, ты думала, как пройдёт наша первая ночь? — я почувствовал, как жар ударил в лицо, кровь хлынула к щекам.

— Думала, — она улыбнулась, её голубые глаза сверкнули под луной. — У девчонок всё розовое, знаешь, как в сказке. Но когда этот момент настанет, мы не знаем. Главное — чтоб нам было по восемнадцать. Ты готов ждать?

— Это уже твой вопрос? — хохотнул я, пытаюсь скрыть, как меня колотит.

— Пусть будет да. Отвечай быстро! — она повалила меня на спину и уселась сверху. Такого раньше не было. Дыхание перехватило, а в паху всё сжалось от напряжения.

— Конечно, готов ждать! — почти крикнул я, поднимаясь, чтобы поцеловать её. Её пальцы запутались в моих волосах, и волна мурашек пробила от макушки до пят и обратно. Время исчезло. Сердце стучало в висках, в ушах, в шее, которую она начала целовать. Это было самое сильное возбуждение за всю нашу с Таней историю. Её кожа — мягкая, как лепестки роз, с тем же сладким, тонким ароматом, что сводил меня с ума. Она подняла глаза, и её взгляд — прищуренный, блестящий — будто пустил меня в её мысли. Я увидел там нашу первую ночь, как она её представляла: не торопливую, не грязную, а настоящую, как эти волны внизу.

— теперь мой вопрос. Но он про сильно далёкое будущее, тут важна честность. Я понимаю, что как бы мы не любили друг друга, но рано или поздно может наступить момент, когда мы захотим чего-то нового. Нельзя ведь всю жизнь есть одни и те же пельмени — покраснев от стыда я договорил и убрал глаза, думая о том, что зря спросил...

—ты про измены? -уточнила Таня

—как раз хотел бы избежать этого, ведь это предательство.

—я думала об этом. И знаешь, каждый человек живет так как хочет и каждая ячейка общества строит свою жизнь как хочет. Поэтому, я считаю будет честно для нас обоих говорить об этом. В мире изобилия и разнообразия может появиться мысль, пусть шуточная или минутная слабость, но будет, я согласна. Давай когда этот момент настанет – то ты или я будем честны друг с другом и не будем обманывать.

Мы снова поцеловались, а моё сердце сжалось представив её с другим мужчиной. Я был бы готов убить того, кто коснётся её.

На скале были только мы. Каждую ночь мы сбегали сюда от шумной толпы отдыхающих, от их пьяных воплей и дешёвых песен. Здесь мы могли обниматься, целоваться, быть собой. Всё впереди, вся жизнь впереди, и она наша. Я был готов ждать, пока звёзды не сложатся в слова «она готова». Мне не нужен был случайный секс на вписках, хоть пацаны и ржали надо мной, называя монахом. Я видел тот знаменитый ролик, где толпа малолеток устроила оргию на пьянке. Не возбудило. Вместо того чтобы передёрнуть, я думал,

что там рассадник заразы и моральный упадок. Я не ханжа. Громкие тусы, утопающие в алкоголе, хулиганский вайб — всё это было моим. Но я держал баланс. Хотел жить по совести, не теряя себя.

Мы просидели на скале пока из-за солнца не потускнели звёзды. Утром море было спокойным, как стекло, и мы с Таней бродили по берегу, пока песок не начинал жечь пятки. Она собирала ракушки, будто они были сокровищами, и смеялась, когда я швырял камни в воду, хвастаясь, что доброшу до горизонта. Её смех был как вино — лёгкий, пьянящий, и я ловил себя на том, что пялюсь на неё, как дурак. Она замечала, шурилась и кидала в меня песком. Я делал вид, что злюсь, а потом ловил её, и мы валились на берег, хохоча, пока волны не подбирались к нам.

Дни на море были как сон, который не хочется просыпать. Мы жили без денег, но с полными карманами моментов. Ели хлеб с сыром, пили тёплое пиво, смеялись, когда чайки орали над нами. Каждый закат был как картина, которую мы писали вместе, и каждый рассвет — как обещание, что эта история не кончится. Я смотрел на Таню, на её голубые глаза, на её кожу, что пахла розами и солью, и знал: это лето, этот берег, эта девчонка — они мои навсегда.

Первый звоночек.

1.

Я шёл по улице Щипок, утопая в воспоминаниях, и снова наткнулся на тот бар. Надо повторить тот крафт и рвануть в город, где мы с Таней строили наше гнёздышко, веря, что будущее будет ясным, как небо над морем. Официант заметил меня на входе и подскочил:

— Повторить крафт для гурманов? — подколол он с ухмылкой.

— Ага, как угадал?

— От такого пива не отказываются. Оно реально для тех, кто шарит.

— Тогда тащи. И сможешь в бутылку с собой налить?

— Сделаем, — отрезал он и свалил за двери, что хлопали в обе стороны, как в салуне.

Я плюхнулся на то же место. Бар гудел от клерков, жующих обед и бубнящих про транзакции, отчёты и прочую

чушь, которая сегодня казалась мне чужой, как марсианский язык. Официант вернулся с бокалом и тарелкой мелко нарезанной рыбки.

— Угощение от бара. Надеюсь, на рыбу аллергии нет? — спросил он.

— Даже если б была, я б сожрал. Халява же, — мы заржали, стукнулись кулаками, и я запил сухость во рту глотком пива. Пусть день пахнет юностью. Вкус рыбы ударил в память, как молния, — тот вечер, когда мы с корешем, едва стукнуло по восемнадцать, пошли в бар, чтобы глушить пиво, жрать закуску и трепаться по душам.

Мы с ним сдружились в училище, с первого дня стали как братья. Каждая тусовка без нас не тусовка. Я зажигал, а он подкидывал дров в этот огонь своей энергией. Тёзки, да ещё и похожи, будто родственники: чёрные глаза, только он в очках, близорукий, мой близкий друг. Худощавый, жилистый, но с дурацкой щетиной, что росла проплешинами, — бороду он не мог себе позволить, брился наголо. А я отпускал свою, чтоб казаться старше и не тратить утра на станок. В том баре мы тогда долго не засиделись — ценник кусался. Выпили по бокалу, закусили рыбкой и свалили пить полторашку светлого во дворе, как привыкли. Когда я съехался с Таней, всё перевернулось. Семья стала на первом месте, остальное — фон.

Бокал пустел, а я заряжался на новый маршрут. Полчаса в

метро, потом ещё полчаса в автобусе — и я там, где нахлынут новые флешбэки. Махнул официанту, показывая, что нужен счёт. Он без слов притащил кожаную книжечку с чеком и пакет с бутылкой моего топлива. Я двинулся навстречу, глянул сумму, сунул бабки «без сдачи», поблагодарил и вывалился на улицу. Новое состояние. Мир стал ярче, ноги ватные, но вели к метро. Я смотрел на суетливую толпу сквозь красные очки, губы сами растягивались в улыбке. Я не с ними, я где-то в прошлом. Лёгкость и эйфория пёрли изнутри, а предвкушение увидеть места, где я не был десять лет, подгоняло. Но быстрее поезда не поедешь. Оставалось только нырять в воспоминания, видя в девчонке у дверей метро, что склонила голову и стучала по телефону, Таню. Тогда, следя за ней, я разрывался от ревности, злости и одиночества. А теперь — просто улыбка. Если б мне той холодной весной сказали, что я буду ехать здесь же и лыбиться, я б дал в морду. Тогда хотелось драки, но больше всего — с самим собой. Я не мог смириться, что всё катится к чёрту и обратной дороги нет.

Автобус, как и тогда, торчал у выхода из метро, загружаясь людьми. Я зашёл, увидел те же фиолетовые шторы, тот же ряд, где мы с Таней ехали молча — я вонял перегаром, а она теребила ремешок сумки и кусала губы. Я сел на то же место у края, но какой-то мужик потеснил меня, заняв свободное. Переместился к окну, открыл бутылку пива и предложил ему глотнуть. Он вежливо отказался. Я уточнил, не против ли он, если я хлебну рядом. Он кивнул, и, как только

автобус тронулся, я опрокинул бутылку, сделав пару глотков.

Через полчаса мы въехали в Подольск. Я пялился в окно, разглядывая всё подряд, листая воспоминания, как старые фотки. Это и было целью — вернуться в прошлое. Машину времени не изобрели, но топливо в пластиковой бутылке помогало чувствовать те дни. Я вышел раньше, чтобы пройтись пешком до нашего с Таней дома. Двадцать минут ходу — ерунда. День свободен, спешить некуда. Я шёл, и каждый шаг будил что-то внутри, как будто я снова тот пацан, который верил, что любовь может всё.

2.

Мы сняли комнату в двушке, где по соседству жил Саня — коренастый, жизнерадостный мужик, от которого пахло провинцией. Настоящей, где люди улыбаются без подвоха, помогают без корысти и не держат нож за спиной, когда обнимают. Он влился в нашу жизнь, стал частью семьи. Когда я с Таней цапался, Саня, как чёртов психолог, разводил нас по углам, оставаясь честным, без лишней лести. Мы часто выбирались на природу, гоняли на его «четвёрке», орали песни, пока глотки не сипели. У него была девчонка в Брянске,

он любил её и держал верность, как я Тане в наши долгие разлуки. Это и сблизило нас — два идиота, верящих в любовь, несмотря на расстояния.

Я вкалывал поваром на фудкорте в гипермаркете, кормил голодную толпу, что вечно толкалась локтями. Зарплата — не ахти, но начало всегда такое: голодное, зато живое. Приходилось подрабатывать где попало. Однажды починил кран дома и понял: в новом районе я могу сделать это сто раз и поднять денегат для нас с Таней. Написал объявление, и мы с ней пошли расклеивать его по подъездам. Она не сидела дома, не полировала ногти, пока я таскаю бабки. Поддерживала, была рядом. Мы часто ругались из-за того, что она хотела работать, но я запрещал — институт и так жрал её время. Лучше пусть учится, а я разберусь. Обеспечу.

Год в нашем гнёздышке. Работа без выходных выжала меня, как лимон. Отдел кадров припёр, заставил взять отпуск — по закону, мол, положено. Я не сопротивлялся. Денег хватит, а если что — починить кран всегда успею. Таня видела, как я рву жилы, и только подталкивала: отдыхай, мол. Первую неделю я валялся дома, глушил пиво и рубился в комп. Осталась ещё неделя. Одним вечером, когда я побеждал виртуальных врагов, а Таня смотрела сериал раздался звонок телефона. Позвонил Влад, мой братишка-тёзка.

— Братан, здарова! Как ты? — его голос ударил, как глоток холодного пива.

— Сколько зим! В порядке, в отпуске, откисаю за компом.
Ты как?

— Я тоже в отпуске, тачку взял, куча новостей. Ты в Подольске?

— Ага, там же. Помнишь, как мы с тобой мои шмотки таскали, а в электричке докопались до малолеток, что орали на весь вагон? — я заржал, вспомнив, как мы чуть не влетели в разборку с толпой сопляков. Сила слова и мой дар убеждения нас тогда выручили. Влад, конечно, боец, дай только повод, а там разберёмся, кто прав.

— Если мы оба в отпуске, давай я приеду, затусим, как раньше! — надавил он.

— Ща у Тани уточню. Давай, шути уже про подкаблучника, — подколот я сам себя, повернулся к Тане и закрыл трубку рукой. — Танюш, можно Влад заедет? Посидим, поболтаем о прошлом? — я состроил котячие глаза.

— Пусть едет твой друг! — улыбнулась она.

— Давай, когда будешь? — спросил я Влада.

— Я не один, со своей. Ты не против? И Таня?

— Он с девушкой будет, ты как? — напрягся я, думая, что Таня может зажаться из-за чужих.

— Конечно, может, подругу себе заведу, — одобрила она.

— Выезжаем, жди! — Влад бросил трубку.

Я кинул телефон на стол и сказал Тане, что к нам едут гости. Она вскочила, начала готовиться к вечеринке. Гости у нас не часто бывают, так что я рванул в магаз за жратвой и бухлом.

Влад приехал, когда я с пакетами пёрся домой. Увидел их серый седан, парящий во дворе. Сначала прошёл мимо, не признал, но Влад засвистел и крикнул: «Дай телефон с камерой позвонить!» — старая шутка из юности. Мы не были гопниками, но любили подколоть прохожих: те сначала пугались, а потом ржали и обзывали нас придурками.

— Старик, рад тебя видеть! Это Даша, моя девчонка, я про неё рассказывал.

— Ага, помню. Наконец-то познакомились! Пойдём домой, есть о чём потрепаться, — я потряс пакетом, где звенели бутылки.

Мы поднялись, познакомились и сели за стол. Таня уже нарезала закуски. Болтали, ржали. Таня с Дашей нашли об-

щий язык, и мы с Владом свалили на балкон курить, зависая в разговорах о прошлом, пока девчонки не загоняли нас обратно.

— А поехали в сауну, — пьяным голосом выдал Влад. — Попаримся, отрезвеем, в холодном бассейне искупаемся. За бабки не парьтесь, я плачу, премию дали, гуляем!

— Если девчата не против, то погнажи. Вы как? — я глянул на них. Они одобрительно кивнули, зашептались и ушли подбирать купальники из Таниной коллекции.

— Братан, у тебя такая классная девка, — Влад наклонился, понизил голос. — Если б не ты, мой братишка, я б её охмурил.

— Да я тебе охмурю, моя она. У тебя Даша, тоже красавица.

— Дашка моя, да, люблю её. Но, знаешь, «встречка всегда ровнее», — промямлил он пьяно. — Давай за наших девчонок выпьем. Чтоб всегда были такими красотками, согласен?

Мы звякнули стаканами и выпили. Таня с Дашей выплыли из комнаты — сигнал к сборам. Мы схватили бутылки с бухлом, запивку, и я вызвал такси. Потасканный Логан, кривыми дорогами, подкатил через пять минут. Мы вышли, я

открыл задние двери, а сам плюхнулся на переднее сиденье.

— В сауну, ближайшую, — бросил я.

— Понял, — буркнул таксист и вдавил газ.

На наше счастье, зал с бассейном был свободен. Мы заказали закуску, ввалились внутрь и расселись за огромным деревянным столом, окружённым белыми кожаными диванами, что пахли дешёвым моющим средством. Я с Владом пошёл разогревать парилку, по пути тыкая все выключатели и переключая каналы на здоровенной плазме, пока девчонки раскладывали жратву. Вечеринка набрала новый оборот. Мы пили, орали знакомые песни, танцевали, как идиоты, забывшие, что такое стыд. В парилке шутили, ржали, но девчонки не выносили жару, так что чаще всего мы с Владом торчали там вдвоём, потные, с пивом в руках.

— Братан, я не могу, твоя Танюха — королева красоты, как тебе повезло, — не унимался Влад. Ревность рвала меня на куски, но я держался. Пьяный бред, ничего такого, просто хвалит. Но в его голосе, как и на кухне, сквозило что-то, от чего внутри всё сжималось.

— Спасибо, приятно, что заценил, — процедил я сквозь зубы и предложил выпить, лишь бы сменить тему.

Мы вывалились из парилки. Девчонки хихикали, обсуждая что-то своё. Увидев нас, они отвлеклись, налили бокалы. Даша подняла тост:

— Всё, что происходит в этой сауне, остаётся в этой сауне.

Мы цокнули бокалами и осушили их. Я был уже в хлам. Веселье продолжалось, а я положил голову на холодный деревянный стол. Вертолёты кружили в башке, желудок просился наружу. Полежал пару минут, стало полегче, но глаза сами закрылись, и я отрубился. Разбудил голос Влада:

— Пойдём в бассейн, нырнёшь, взбодрисься.

Я поплёлся за ним, еле справляясь с гравитацией. У края бассейна нырнул. Холодная вода хлестанула, как пощёчина, влила жизнь. Захотелось погреться, и мы с Владом вернулись в парилку.

— Пока ты спал, тут такое было, — начал он. — Девки сговорились, хотят, чтобы мы поменялись.

— Чем, трусами, что ли? — запинаясь, выдавил я.

— Не, нами, прикинь, — заржал он.

— Гонишь, не может быть, — я наехал, чувствуя, как кровь закипает.

— Реально, спроси у них, — спокойно сказал он.

— Позови Таню, — буркнул я.

— Ща, — Влад выскочил из остывшей парилки. Через пару минут вся толпа ввалилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.